

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. Книга 1
ПОСВЯЩЕНИЕ

Достопочтенному Томасу, графу Пемброку и Монтгомери, Герберту, барону Кардиффа, лорду Россу Кендала, Пару, Фицхью, Мармиона, Сейнт-Квентина и Шэрланда, лорду-президенту Его Величества высокопочтимого Тайного совета и лордуправителю графства Уилтшир и Южного Уэльса 1 Милорд!

Это исследование, которое выросло на Ваших глазах и появилось на свет по Вашему повелению, теперь по естественному праву ищет у Вас того покровительства, которое Вы несколько лет назад ему обещали. Это не потому, что я думаю, будто помещение в начале книги чье-нибудь имени, каким бы знаменитым оно ни было, может покрыть содержащиеся в ней недостатки. Произведения печати должны приобретать славу и предаваться забвению в зависимости от своей собственной ценности или от вкусов читателя. Но так как для истины более всего желательно, чтобы ее выслушали беспристрастно и непредубежденно, то Вы, милорд, более всех можете это для меня сделать, ибо всем известно, что Вы добились близкого знакомства с истиной в ее самых отдаленных тайниках. Известно, что Вы так далеко ушли в своих размышлениях в области наиболее отвлеченного и общего познания вещей, превосходящего обыкновенный кругозор и обычные методы, что Ваше согласие и одобрение цели моего исследования по крайней мере предохранит его от осуждения без прочтения и заставит обратить хоть немного внимания на те его части, которые, расходясь с обычными воззрениями, без этого, быть может, показались бы вовсе не заслуживающими рассмотрения. Для тех, кто судит о головах людей точно так же, как об их париках, в соответствии с модой, упрек в новизне есть страшное обвинение, ибо такие люди считают истинными только общепринятые воззрения. Почти никогда и

нигде еще истина не получала признания при своем первом появлении; новые взгляды всегда вызывают подозрение, всегда встречают отпор лишь потому, что они еще не общеприняты. Но истина, подобно золоту, не бывает менее истинной от того, что она добыта из рудников недавно. Ее ценность должны определить испытание и исследование, а не старая мода: пусть истина еще не находится в общем обращении, она все-таки может быть так же стара, как природа, и, конечно, несколько не менее долговечна. Вы можете представить тому важные и убедительные доказательства, если только Вам будет угодно порадовать публику некоторыми из сделанных Вами крупных и значительных открытий истин, доселе не известных никому, за исключением нескольких человек, от которых Вы благоволили не совсем скрыть их. Если бы не было других оснований, уже этого одного было бы достаточно для посвящения Вам моего <Опыта>. Что касается небольшого сходства его с некоторыми частями той более благородной и обширной системы наук, столь оригинальной, точной и поучительной очерк которой Вы сделали, то я считаю, что для меня достаточно чести, если Вы мне разрешите похвалиться, что кое-где мне приходили на ум мысли, не совсем отличные от Ваших. Если Вы считаете нужным, чтобы при Вашем поощрении моя книга вышла в свет, я надеюсь, она может стать основанием, чтобы рано или поздно повести Вас дальше; и Вы позволите сказать мне, что Вы даете здесь миру залог чего-то, что действительно оправдает ожидания читателей, если они смогут терпеливо снести мой опус. Это, милорд, показывает, какой подарок я здесь Вам делаю. Точно такой подарок делают своему богатому и знатному соседу, который благосклонно принимает корзину цветов или плодов, хотя у него есть свои собственные и в большем изобилии, и лучшего качества. Малоценные вещи становятся ценными, когда их преподносят в знак почтения, уважения и благодарности. А Вы дали мне столь значительные и особые основания питать к Вам все эти чувства в наивысшей степени, что если бы они увеличивали цену того, что ими сопровождается, пропорционально своей собственной величине, то я бы смело мог похвастать, что сделал Вам самый богатый подарок, какой только Вы когда-либо получали. В одном я убежден: безусловно, я обязан искать всевозможные случаи выразить свою признательность за длинный ряд милостей, которые получал от Вас, милостей, которые велики и важны сами по себе, но становятся еще дороже благодаря той благосклонности, заботливости, доброте и другим приятным для меня обстоятельствам, которые всегда сопутствовали им. Ко всему этому Вам было угодно присоединить то, что придает еще больше веса и прелести всему остальному: Вы постоянно удостаиваете меня до некоторой степени своим уважением, уделяете мне место в своих добрых думах, я чуть не сказал - в дружеских чувствах. Ваши слова и действия, милорд, так определенно показывают это всегда, даже другим, когда меня нет, что с моей стороны не покажется

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org
тщеславным упоминание о том, что всякому известно. Но было бы невежливо не признаться, в том, чему есть столько свидетелей, каждый день говорящих мне, чем я обязан Вам. Мне хочется, чтобы они с такой же готовностью способствовали моей благодарности, с какой они убеждают меня, что я у Вас в большом и все растущем долгу. Я знаю одно: я писал бы о Разуме без разума, если бы не сознавал в высшей степени ясно этого долга и не воспользовался настоящим случаем, чтобы засвидетельствовать миру, в какой степени я обязан быть и в какой степени являюсь, милорд, самым почтительным и самым покорным Вашим слугой.

ПИСЬМО К ЧИТАТЕЛЮ 2

Читатель!

Вручаю тебе в руки то, что было мне развлечением в мои свободные и трудные часы. Если этому сочинению выпадет счастье стать тем же для твоих часов и ты при чтении получишь хотя бы половину того наслаждения, которое я испытал при написании, ты так же мало будешь считать плохо потраченными свои деньги, как я свой труд. Не прими этого за восхваление моей работы и из того, что написание ее доставляло мне удовольствие, не заключаю, что мне она очень нравится теперь, когда она закончена. Кто охотится с соколами за жаворонками и воробьями, получает несколько не меньшее удовольствие, хотя гораздо менее значительную добычу, чем тот, кто стремится за более благородной дичью. И тот мало знаком с предметом настоящего исследования – разумом, кто не ведает, что поскольку разум есть самая возвышенная способность души, то и пользование им приносит более

сильное и постоянное наслаждение, чем пользование какой-нибудь другой способностью. Поиски разумом истины представляют род соколиной или псовой охоты, в которой сама погоня за дичью составляет значительную часть наслаждения. Каждый шаг, который делает ум в своем движении к знанию, есть некоторое открытие, каковое является не только новым, но и самым лучшим, на время по крайней мере.

Ведь разум, подобно глазу, судя только о тех предметах, которые находятся в поле его зрения, не может не быть довольным тем, что он открывает, не очень сожалел о том, что ускользнуло от него, так как то ему неизвестно. А потому тот, кто не ограничится тем, что упадет ему в кружку для милостыни, и, не довольствуясь ленивой жизнью на крохи выпрошенных мнений, обратит в дело собственные мыслительные способности для отыскания и исследования истины, не останется без удовлетворения охотника (что бы он ни нашел). Каждый момент его поисков вознаградит его за труды некоторым наслаждением. и у него не будет основания считать, что он плохо употребил свое время, даже если он не сможет гордиться каким-нибудь значительным приобретением.

Вот в чем, читатель, состоит удовольствие тех, кто дает волю своим мыслям и излагает их письменно. Но ты не должен завидовать им, потому что они доставляют тебе возможность такого же развлечения, если ты при чтении будешь пользоваться собственными мыслями. На них-то я и полагаюсь, если они таковы доподлинно; но если мысли взяты на веру у других, то не важно, каковы они, так как в таком случае они следуют не истине, а более низким побуждениям. Не стоит труда проявлять интерес к тому, что говорит или думает тот, кто говорит или думает только так, как его направляют другие. Если ты судишь самостоятельно, ты будешь, я знаю, судить откровенно и тогда любое твоё порицание не нанесет мне ни вреда, ни обиды. Ибо хоть и верно то, что в этом исследовании об истине нет ничего, в чем бы я не был вполне убежден, однако я считаю себя в такой же степени способным заблуждаться, в какой могу считать таким и тебя, и знаю, что эта книга должна подняться или упасть в твоих глазах не от того мнения, которое я имею о ней, а от твоего собственного. Если ты найдешь в ней для себя мало нового или поучительного, ты не должен порицать меня за это. Она предназначалась не для тех, кто уже сведущ в предмете и тщательно изучил

свой собственный разум, а для моего собственного уяснения и для удовлетворения немногих друзей, которые признали себя недостаточно исследовавшими предмет. Если позволишь, я побеспокою тебя историей этого <Опыта>. И тогда я должен рассказать тебе, как пять-шесть моих друзей, встретившись у меня в доме и рассуждая друг с другом о предметах, весьма далеких от настоящего, скоро должны были остановиться перед затруднениями, встававшими со всех сторон. После того как некоторое время мы пробыли в замешательстве, ни на шаг не приблизившись к разрешению смутивших нас сомнений, пришло мне на ум, что мы пошли по ложному пути и что, прежде чем предаться такого рода исследованиям, необходимо было изучить свои собственные способности и посмотреть, какими предметами наш разум способен заниматься, а

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org какими нет. Это я и предложил своим друзьям, которые охотно согласились со мной 3; затем было решено, что это и должно стать предметом нашего первого исследования. Несколько торопливых, необработанных мыслей о предмете, которого я раньше никогда не исследовал, изложенных мною перед нашим ближайшим собранием, были первым введением к настоящему рассуждению, которое, начавшись, таким образом, случайно, было по просьбам продолжено; оно писалось несвязными отрывками, снова возобновлялось после долгих промежутков забвения, когда позволяли мое расположение духа или обстоятельства, и, наконец, в уединении, где заботы о моем здоровье дали мне досуг, было приведено в тот порядок, в каком ты его видишь теперь.

Отсутствие непрерывности в работе могло быть причиной кроме других двух противоположных недостатков моей книги, а именно того, что в ней сказано и слишком мало, и слишком много. Коль скоро ты найдешь, что в ней чего-нибудь недостает, то я буду рад, что написанное мною возбуждает в тебе желание, чтобы я пошел дальше. Если что-нибудь покажется тебе лишним, ты должен порицать самый предмет: когда я в первый раз взял в руки перо, я думал, что все, что я скажу об этом предмете, уместится на одном листе бумаги. Но чем дальше я двигался, тем более широкие горизонты открывались предо мною; новые открытия вели меня все вперед, и таким образом книга незаметно выросла до того объема, в каком теперь появляется. Я не стану отрицать, что она могла бы быть, вероятно, сведена к меньшему объему, чем настоящий, и что некоторые части ее могли бы быть

сокращены, так как написание ее урывками и с большими промежутками могло вызвать некоторые повторения. Но, сказать по правде, я теперь слишком ленив или слишком занят, чтобы сделать ее короче.

Мне, конечно, известно, что я проявляю мало заботы о собственной репутации, если сознательно допускаю ошибку, могущую возбудить отвращение наиболее рассудительных людей, которые всегда бывают самыми приятными читателями. Но тот, кто знает, что лень способна удовлетворяться каким угодно оправданием, простит меня, если моя лень одолела меня так, что я думаю, будто у меня очень хорошее оправдание. Я не буду ссылаться поэтому в свою защиту на то, что одно и то же понятие, имеющее разные значения, может быть пригодным или необходимым для доказательства или пояснения различных частей одного и того же рассуждения и что так и случилось во многих местах настоящего рассуждения; но безотносительно к этому я признаюсь откровенно, что иногда я долго останавливался на одном и том же доказательстве и излагал его различными способами с совершенно различными намерениями. Публикуя этот <Опыт>, я не притязаю на то, чтобы поучать людей, способных к широким мыслям и быстроте восприятия. Перед такими мастерами знания я сам объявляю себя учеником и поэтому заранее предупреждаю их, что ожидать здесь нечего, кроме того, что, будучи соткано из моих собственных грубых мыслей, приспособлено для людей одного со мною склада, для которых, быть может, не будет неприятным, что я взял на себя труд сделать ясными и близкими их мышлению некоторые истины, принятие которых могло быть затруднено укоренившимися предрассудками или отвлеченностью самих идей. Некоторые предметы нуждались во всестороннем рассмотрении, а когда понятия новы, какими, признаюсь, являются для меня некоторые из предлагаемых, или необычны, какими, на мой взгляд, они покажутся другим, то одним простым созерцанием нельзя добиться их проникновения в разум каждого или закрепления их там путем ясного и длительного воздействия. Немного найдется таких, думается мне, которые не замечали бы или на себе самих, или на других, что то, что при одном способе выражения было совсем непонятно, при другом способе изложения становилось очень ясным и понятным, хотя ум потом находил мало разницы в выражениях и удивлялся, почему одно могло быть менее понятно, чем другое. Но всякая

вещь действует на воображение всякого человека не одинаково. Наши умственные способности различаются не менее, чем наши вкусы; и тот, кто думает, что одна и та же истина одинаково всем понравится в одном и том же облачении, может с таким же успехом надеяться усладить всех одним и тем же блюдом; блюдо может быть тем же самым и приготовленным хорошо, но не каждый сможет съесть его с одной и той же приправой; оно должно быть приправлено для каждого иначе, если вы хотите, чтобы его переварили благополучно, что не всегда может случиться даже и с крепким организмом. Верно то, что те, кто советовал мне опубликовать книгу, советовали на этом основании напечатать ее, как она есть; и, так как меня угловали выпустить ее в свет, я желаю, чтобы ее понял всякий, кто даст себе труд прочесть ее. Я чувствую так мало желания печататься, что, если бы не льстил

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org
себя мыслью, что этот <Опыт> может быть сколько-нибудь полезным для других, как, думается мне, он был полезен для меня, я бы показал его только тем немногим друзьям, которые подали первый повод к его написанию. Так как мое появление в печати имеет целью принести возможно большую пользу, я считаю необходимым сделать то, что я имею сказать, возможно более легким и понятным для читателей всякого рода. И я скорее хотел бы, чтобы мыслящие и проницательные читатели жаловались, что я в иных местах скучен, чем чтобы кто-нибудь не привыкший к отвлеченному мышлению или предубежденный в пользу других взглядов ошибся бы или не понял моего мнения.

Быть может, меня будут порицать за то, что я, проявляя большое тщеславие и дерзость, якобы намереваюсь поучать наш ученый век; и действительно, похоже, что это так, коль скоро я признаюсь, что печатаю этот <Опыт> в надежде, что он может быть полезен для других. Но если мне будет позволено говорить откровенно о тех, кто с притворной скромностью осуждает как нечто бесполезное то, что они сами пишут, мне кажется, гораздо более отдаст тщеславием и дерзостью печатание книги с какой-нибудь другой целью; и очень сильно грешит против уважения к публике тот, кто печатает и, следовательно, ожидает, что люди будут читать то, в чем, как он сам считает, они не встретят ничего полезного ни для себя самих, ни для других. И если бы даже в этом исследовании нельзя было найти ничего, кроме моих благих намерений, все-таки моя цель будет неизменной и

эти намерения до некоторой степени должны служить извинением малоценности моего дара. Это-то главным образом и охраняет меня от страха перед порицаниями, которых мне не удастся избежать, как не избежали их и лучшие писатели. Принципы, понятия и вкусы людей до такой степени разнообразны, что трудно найти книгу, которая бы нравилась или не нравилась всем. Я признаю, что век, в котором мы живем, не из самых невежественных и поэтому его нелегко удовлетворить. Если мне не выпадет счастье понравиться, то никто все же не должен обижаться на меня. Я прямо говорю всем своим читателям, за исключением полудюжины 4, что эта книга первоначально не предназначалась для них и что, следовательно, им не нужно заботиться о том, чтобы попасть в эту полудюжину. Но если кто-либо все-таки найдет нужным рассердиться и осыпать книгу бранью, он может сделать это без опасения, ибо у меня найдется лучший способ провести время, чем [участвовать в] такого рода разговоре. Я всегда буду удовлетворен тем, что искренне стремился к истине и пользе, хотя бы и одним из самых малозначительных путей. Республика наук не лишена в настоящее время даровитых создателей, величественные замыслы которых, движущие науки, оставят долговечные памятники на удивление потомству; но не всякий может надеяться стать Бойлем или Сиднэмом. И в век, который рождает такие дарования, как великий Гюйгенс, несравненный Ньютон и несколько других такой же величины, будет достаточной честью служить в качестве простого рабочего, занятого лишь на расчистке почвы и удалении части мусора, лежащего на пути к знанию. А знание, конечно, гораздо более двинулось бы вперед в мире, если бы старания даровитых и трудолюбивых людей не загромождались ученым, но легкомысленным употреблением неуклюжих, манерных или непонятных выражений, введенных в науку и сделавшихся искусством настолько, что - философия, которая есть не что иное, как истинное познание вещей, стала считаться непригодной или неспособной вращаться в благовоспитанном обществе и принимать участие в приличном разговоре. Пустые и бессмысленные формы выражения и злоупотребление языком так долго сходили за таинства науки и трудные или неуместные слова, мало или вообще ничего не значащие, за давностью употребления имеют ошибочно столько права считаться глубокой ученостью или вершиной мышления, что нелегко будет убедить говорящих эти слова или слушаю-

щих их, что они только прикрывают невежество и являются помехой истинному знанию. Вторжение в святилище тщеславия и невежества сослужит, я полагаю, некоторую службу человеческому разуму. Впрочем, столь немногие склонны думать, что они обманывают или их обманывают употреблением слов и что язык того круга, к которому они принадлежат, заключает в себе недостатки, которые нужно изучить или исправить, что, я надеюсь, мне простят, если я в третьей книге слишком долго остановился на этом предмете и постарался сделать его столь ясным, чтобы ни закоренелость зла, ни сила моды не могли быть извинением для тех, кто не хочет заботиться о значении своих собственных слов и не позволяет исследовать смысл своих выражений.

Мне сказали, что краткое извлечение из этого исследования, напечатанное в 1688

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org г.5, было некоторыми осуждено без прочтения, потому что в нем отрицались врожденные идеи; при этом делали слишком поспешное заключение, что если не допускается существование врожденных идей, то остается немного как от понятия о духах, так и от доказательства их существования. Если кто испытывает такие же сомнения, приступив к чтению этого исследования, то я пожелаю, чтобы он прочел его целиком, и тогда, надеюсь, он убедится, что устранение ложных основ идет не во вред, а на пользу истине, которая терпит наибольший урон и подвергается наибольшей опасности именно тогда, когда ее перемешивают с ложью или строят на лжи.

Во втором издании я прибавил следующее.

Книготорговец не простит мне, если я ничего не скажу о втором издании, которое, как он обещал, благодаря уточнениям, исправит многочисленные погрешности, допущенные в первом. Он желает также, чтобы было известно, что во втором издании есть совершенно новая глава о тождественности 6 и много прибавлений и поправок в разных местах. Последние, я должен предупредить читателя, не все новы по содержанию, а представляют собой по большей части или дальнейшее подтверждение сказанного мною ранее, или объяснения с целью помешать превратным толкованиям смысла напечатанного прежде и не являются отступлением от прежнего. Исключение я должен сделать для изменений, внесенных мною в гл[аву] 21 книги II.

Что я там написал о свободе и воле, я считал заслуживающим самого внимательного пересмотра, на какой

только я был способен, так как эти предметы во все времена ставили перед ученым миром такие вопросы и затруднения, которые внесли немало путаницы в этику и богословие – области знания, о ясности которых люди особенно заботятся. После более близкого наблюдения над деятельностью человеческих душ и более тщательного изучения мотивов и точек зрения, которыми они приводятся в действие, у меня нашлись основания несколько изменить мысли, которые я имел ранее по вопросу о том, что в конечном итоге определяет волю во всех сознательных действиях. В этом я не могу не признаться перед всеми с такой же свободой и готовностью, с какой сначала опубликовал то, что тогда показалось мне верным; на мой взгляд, лучше отказаться от какого-нибудь своего мнения и отбросить его, когда истина оказывается против него, чем опровергать чужое, ибо я ищу только истину и всегда буду рад ей, когда бы и откуда бы она ни шла.

Но как ни велика моя готовность отказаться от всякого своего мнения или отступить от чего-либо мною написанного при первой очевидности какой-либо в нем ошибки, я все-таки должен сознаться, что мне не удалось что-либо уяснить себе с помощью возражений в печати против различных мест моей книги, и то, что было выдвинуто против меня, не дало мне основания изменить свое мнение по тем пунктам, которые были поставлены под сомнение. Или предмет, который я рассматриваю, требует часто большей вдумчивости и большего внимания, чем соглашаются ему уделять торопливые, по крайней мере предубежденные, читатели; или какая-нибудь неясность в моих выражениях покрывает его мраком, и некоторые понятия становятся при моем способе изложения трудными для восприятия их другими, но только я нахожу, что мои мнения часто толкуют превратно и мне не удалось быть всюду верно понятым 7. Этому имеется столько примеров, что, я думаю, они дают право моему читателю и мне заключить, что или моя книга написана достаточно ясно, чтобы быть верно понятой теми, кто читает ее с таким вниманием и беспристрастием, которое должен выказывать при чтении всякий, дающий себе труд читать, или же что она написана столь неясно, что тщетным будет намерение исправить ее. Какое бы из этих предположений ни оказалось истиной, это касается только одного меня; а поэтому я далек от того, чтобы смущать читателя всем, что я мог бы сказать в ответ на встреченные мною возражения против различных мест моей книги, ибо я убежден, что тот, кто считает, что о них стоит подумать, все равно, истинны ли эти возражения или ложны, сам сможет увидеть, что сказанное или неосновательно, или не противоречит моему учению, если только меня и моего противника поймут как следует.

Если кто-нибудь, заботясь о том, чтобы не пропала ни одна из его удачных мыслей, напечатает свою критику моего «Опыта», оказав ему честь не считать его только опытом, то я предоставляю публике определить, чем она обязана перьям критиков; я же не отниму времени у читателя таким досужим или противоестественным употреблением своего времени, как попытка ослабить удовлетворение этих критиков подобным поспешным опровержением написанного мною, доставляемое ими себе самим

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org
или другим.

Подготавливая четвертое издание моего «Опыта», книготорговцы дали мне знать об этом, чтобы я мог, если у меня окажется досуг, сделать все необходимые, на мой взгляд, прибавления или поправки. Тогда я счел нужным предупредить читателя, что кроме различных поправок, сделанных мною там и сям, необходимо упомянуть об одном изменении, которое проходит через всю книгу и которое, следовательно, непременно нужно верно понять. Я сказал тогда следующее.

<Ясные и отчетливые идеи> – это термины, которые, несмотря на их обычность и частоту употребления в живой речи, я имею основание считать не вполне понятными для всякого, кто их употребляет. И возможно, что только немногие дают себе труд вдуматься в них настолько, чтобы узнать, что именно они сами или другие под ними подразумевают. Поэтому я в большинстве случаев предпочел поставить <определенный> вместо <ясный> и <отчетливый> как выражение, более способное привести человеческие мысли к моему пониманию в этом вопросе. Этим названием я обозначаю некоторый объект в уме и, следовательно, объект определенный, т. е. такой, каким он там замечен и воспринят. Мне думается, определенной идеей можно справедливо назвать такую, которая, находясь в данное время объективно в уме и тем самым определенная там, соединена и неизменно связывается с некоторым названием или членораздельным звуком, который должен быть устойчивым знаком этого самого объекта ума, или определенной идеи.

Объясню это немного подробнее. Под термином <опре-

деленный> в приложении его к простой идее я разумею то простое представление, которое ум имеет в своем поле зрения или воспринимает в себе, когда говорят, что эта идея находится в нем. Под термином <определенный> в приложении его к сложной идее я разумею такую идею, которая состоит из определенного числа известных простых или менее сложных идей, соединенных в таком взаимоотношении и расположении, какое ум имеет перед собой и видит в себе, когда эта идея присутствует в нем или должна была бы присутствовать в нем, если кто произносит название этой идеи. Я говорю <должна была бы быть>, потому что не всякий, а быть может, и никто не обращает на свою речь такого внимания, чтобы он решал не употреблять ни одного слова до тех пор, пока не увидит в своем уме точной, определенной идеи, знаком которой он решает сделать его. Недостаток этого – причина большой неясности и путаницы в человеческих мыслях и рассуждениях.

Я знаю, что ни в одном языке нет достаточного числа слов для обозначения всего многообразия идей, составляющих предмет разговоров и рассуждений людей. Но это не мешает тому, чтобы всякий, употребляющий какое-нибудь слово, имел в своем уме определенную идею, знаком которой он его делает и с которой он должен прочно связывать его во все время рассуждения. Кто этого не делает или не может делать, напрасно считает, что обладает идеями ясными, или отчетливыми: очевидно, что его идеи не таковы. И поэтому нельзя ожидать ничего, кроме неясности или путаницы, там, где употребляются слова, не имеющие такого точного определения.

На этом основании выражение <определенные идеи> показалось мне менее способным ввести в заблуждение, чем выражение <ясные и отчетливые>. А когда люди приобретут определенные идеи всего того, что они обсуждают, исследуют или доказывают, они увидят разрешенными большую часть своих сомнений и разногласий. Большая часть вопросов и противоречий, смущающих человечество, проистекает от сомнительного и неточного употребления слов, или (что то же самое) неопределенных идей, для обозначения которых слова созданы. Я выбрал термин <определенные идеи>, дабы обозначить 1) некоторый непосредственный объект ума, который воспринимается умом и который ум имеет перед собою как нечто отличное от звука, употребляющегося им как знак объекта, и 2) то обстоятельство, что эта таким образом опреде-

ленная идея, т. е. такая идея, которую ум имеет, знает и видит в себе, неизменно связана с данным названием, а это название связано с этой точной идеей. Будь у людей такие определенные идеи в их исследованиях и рассуждениях, они, во-первых, понимали бы, насколько далеко заходят их исследования и рассуждения, а во-вторых, избежали бы большей части ссор и споров между собой.

Кроме того, книготорговец считает необходимым, чтобы я предупредил читателя о прибавлении двух совершенно новых глав: одной – об ассоциации идей, другой – о религиозном испуге⁹. Эти главы вместе с другими, более значительными

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org прибавлениями, еще не появлявшимися в печати, книготорговец напечатал также отдельно и с той же целью, какая была указана при втором издании этого <Опыта>.

В настоящем, пятом издании изменено и прибавлено очень немного. Большая часть того, что ново, содержится в двадцать первой главе второй книги. Все это каждый может легко написать на полях прежнего издания, если это ему покажется нужным.

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава первая ВВЕДЕНИЕ

1. Исследование о разумении, приятное и полезное. Так как разум, ставит человека выше остальных чувствующих существ и дает ему все то превосходство и господство, которое он имеет над ними, то он, без сомнения, является предметом, заслуживающим изучения уже по одному своему благородству. Разумение, подобно глазу, давая нам возможность видеть и воспринимать все остальные вещи, не воспринимает само себя: необходимы искусство и труд, чтобы поставить его на некотором отдалении и сделать его собственным объектом. Но каковы бы ни были трудности, лежащие на пути к этому исследованию, что бы ни держало нас в таком неведении о нас самих, я уверен, что всякий свет, который мы сможем бросить на свои собственные умственные силы, всякое знакомство со своим собственным разумом будет не только очень приятно, но и весьма полезно, помогая направить наше мышление на исследование других вещей.

2. Цель. Так как моей целью является исследование происхождения, достоверности и объема человеческого познания вместе с основаниями и степенями веры, мнений и согласия, то я не буду теперь заниматься физическим изучением души. Я не буду вдаваться в исследования о том, в чем ее сущность, вследствие каких движений души и перемен в нашем теле мы получаем любые ощущения через свои органы чувств или идеи в своем разуме, зависят ли при своем образовании некоторые или все эти идеи от материи или не зависят. Как ни интересны и ни любопытны все эти вопросы, я не буду касаться их, поскольку они лежат за пределами моей задачи. Для моей настоящей цели достаточно изучить познавательные способности человека, как они применяются к объектам, с которыми имеют дело. И мысли, которые я выскажу при этом случае, я буду считать не совсем бесполезными, если при таком историческом, ясном методе сумею дать некоторые сведения о путях, какими наш разум приходит

к имеющимся у нас понятиям о вещах, сумею подыскать несколько мерил достоверности нашего знания или оснований тех убеждений, столь разнообразных, разнородных и совершенно противоречивых, какие можно найти среди людей. А между тем эти убеждения высказывают часто с такой твердой уверенностью, что всякий, кто, обратив внимание на мнения людей, заметит их противоречивость и в то же время ту любовь и благосклонность, с какой они воспринимаются, ту решительность и рвение, с какими они утверждаются, быть может, имеет основание подозревать, что или вообще нет такой вещи, как истина, или человечество не имеет достаточных средств достигнуть достоверности познания ее.

3. Метод. Вот почему стоит поискать границы между мнением и знанием, исследовать, при помощи каких мерил в вещах, относительно которых мы не имеем достоверного знания, мы должны управлять своим согласием с теми или иными положениями и умерять свои убеждения. Для этого я буду пользоваться следующим методом.

Во-первых, я исследую происхождение тех идей, или понятий (или как вам будет угодно назвать их), которые человек замечает и сознает наличествующими в своей душе, а затем те пути, через которые разум получает их.

Во-вторых, я постараюсь показать, к какому познанию приходит разум через эти идеи, а также показать достоверность, очевидность и объем этого познания.

В-третьих, я исследую природу и основания веры, или мнения. Под этим я разумею наше согласие с каким-нибудь положением как с истинным, хотя относительно его истинности мы не имеем достоверного знания; здесь же мы будем иметь случай исследовать основания и степени согласия.

4. Полезно знать, как далеко простирается наша способность познания. Если этим исследованием природы разума мне удастся открыть его силы, как далеко они

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org
простираются, каким вещам они в некоторой степени соответствуют и где они
изменяют нам, мне думается, оно будет полезно тем, что заставит деятельный дух
человека быть осторожнее и не заниматься превышающими его познавательную силу
вещами, останавливаться на своих крайних границах познания и оставаться в
спокойном неведении относительно таких вещей, которые по исследованию окажутся
превосходящими наши способности. Сті?; Тогда, быть может, мы не будем из показного
стремления к универсальному знанию с такой поспешностью

поднимать вопросы, ставить в тупик и себя и других спорами о вещах, к которым
наши познавательные способности не приспособлены, относительно которых мы не
можем построить в уме ясных и отчетливых понятий или даже (что случается слишком
часто) вовсе не имеем никакого понятия. Если мы сможем обнаружить, как далеко
разум простирает свой взор, насколько он способен достигать достоверности и в
каких случаях он может только составлять мнения и предположения, мы научимся
довольствоваться тем, что достижимо для нас в данном состоянии.

5. Наши способности соответствуют нашему положению и интересам. Ибо, хотя силы
нашего разума слишком ограничены для охвата всего объема вещей, мы все-таки
имеем достаточно оснований восхвалять щедрого творца нашей жизни за ту долю и
степень познания, которую он даровал нам, поскольку превосходим всех остальных
обитателей нашего мира. Люди имеют основание довольствоваться тем, что бог счел
подходящим для них, потому что, по словам св. Петра, он дал им рѣньб рспт ощюп
кбй ЭхуЭвейбн (все потребное для жизни и благочестия) 1 и сделал их способными
удобнее устраиваться в этой жизни и [видеть] путь, ведущий к лучшему. Как ни
далеко человеческое знание от универсального или совершенного постижения всего
существующего, оно все-таки обеспечивает наиболее существенные интересы
человека, так что у него хватает света, чтобы прийти к познанию своего творца и
пониманию своих обязанностей. Люди найдут достаточно материала, чтобы занять
свои головы и руки разнообразной, чрезвычайно приятной и приносящей
удовлетворение работой⁴ если не будут дерзко восставать против собственной
телесной конституции и разбрасывать блага, которыми полны их руки, на том
основании, что руки не настолько велики, чтобы схватить все. У нас не будет
причины жаловаться на ограниченность сил своего разума, если мы воспользуемся
ими для того, что может принести нам пользу, ибо к этому они весьма способны; и
будет непростительной и ребяческой капризностью недооценивать преимущества наших
познавательных способностей и пренебрегать их совершенствованием для тех целей,
для которых они были нам даны, на том основании, что есть вещи, лежащие за
пределами их достигаемости. Нельзя простить ленивого и строптивного слугу,
который не занимается своим делом при свете свечей, ссылаясь на то, что ему не
дают солнечного света. Свеча, которая

зажжена в нас, горит достаточно ярко для всех наших целей. Открытия, которые мы
можем сделать при ее свете, должны удовлетворять нас. И мы тогда будем
пользоваться своим разумом как надлежит, когда будем заниматься всеми предметами
таким образом и в такой мере, которые соответствуют нашим способностям, и на тех
основаниях, которые могут быть нам предложены, а не будем категорически и
неумеренно требовать доказательства и достоверности там, где возможно достигнуть
одной лишь вероятности, вполне достаточной для устройства наших дел. Если мы не
будем верить ничему на том основании, что не можем знать достоверно всего, то мы
поступим почти так же умно, как тот, кто не пользовался бы своими ногами, но
остался бы недвижимым и погиб оттого, что у него нет крыльев, чтобы летать.

6. Знание своих познавательных способностей предохраняет нас от скептицизма и
умственной бездеятельности. Когда мы будем знать свои силы, мы будем лучше
знать, что можем предпринять с надеждой на успех. Когда мы хорошенько обследуем
свои умственные силы и произведем оценку того, чего можно ждать от них, у нас, с
одной стороны, не будет склонности оставаться в бездействии и вообще не давать
работы своему мышлению, не имея надежды знать что-нибудь; с другой стороны, мы
не будем ставить под сомнение всё и отрицать всякое знание на том основании, что
некоторые вещи непостижимы. Для моряка весьма полезно знать длину линия своего
лота, хотя он не может измерить им всех глубин океана. Довольно с него и того
знания, что линия достаточно длинна, чтобы достигнуть дна в таких местах, которые
необходимы для определения направления и для предохранения от пагубных мелей.
Наша задача здесь – знать не всё, а то, что важно для нашего поведения. Если
сможем найти мерилы, по которым разумное существо в таком положении, в какое
поставлен человек в этом мире, может и должно управлять своими мнениями и
зависящими от них действиями, нам нет нужды смущаться тем, что некоторые вещи

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org
ускользают от нашего познания.

7. Повод к написанию этого <Опыта>. Вот какие соображения послужили первым поводом к этому опыту о разумении. Ибо, на мой взгляд, первый шаг к разрешению различных вопросов, с которыми почти наверняка должна была столкнуться человеческая душа, состоит в исследовании нашего собственного разума, изучении своих собственных сил и усмотрении того, к чему они приме-

нимы. На мой взгляд, до тех пор, пока этого не было сделано, мы начинали не с того конца и напрасно искали удовлетворения в спокойном и надежном обладании наиболее важными для нас истинами в то самое время, как пускали свои мысли в обширный океан бытия, как будто бы все это бесконечное пространство является естественным и несомненным владением нашего разума, в котором ничто не избегает его определений, ничто не ускользает от его понимания.

Если, таким образом, люди, направляя свои исследования за пределы своих способностей, пускают свои мысли странствовать по таким глубинам, где они не достают твердой опоры, то не удивительно, что они поднимают вопросы и умножают споры, которые никогда не приводят ни к какому ясному решению, а только поддерживают и увеличивают их сомнения и в конце концов утверждают их в абсолютном скептицизме. А между тем, если бы как следует были изучены способности нашего разума, выявлены пределы нашего познания и найдены границы освещенной и темной части вещей, постигаемой и непостигаемой нами, люди примирились бы с открыто признанным неведением одной части и с большей пользой и удовлетворенностью обратили бы свои мысли и рассуждения на другую.

8. Что означает слово <идея>. Вот что считал я нужным сказать о поводе к этому исследованию о человеческом разуме. Но прежде чем перейти к своим мыслям об этом предмете, я должен здесь, во вступлении, попросить у читателя прощения за частое употребление слова <идея> в последующем изложении. Так как этот термин, на мой взгляд, лучше других обозначает все, что является объектом мышления человека, то я употреблял его для выражения того, что подразумевают под словами <фантом>, <понятие>, <вид>, или всего, чем может быть занята душа во время мышления. И я не мог избежать частого употребления его.

Я думаю, со мною легко согласятся в том, что такие идеи есть в человеческой душе. Каждый познает их в себе, а слова и действия других убеждают его в том, что они есть и у других.

Наше первое исследование и будет посвящено вопросу, как они приходят в душу.

Глава вторая В ДУШЕ НЕТ ВРОЖДЕННЫХ ПРИНЦИПОВ

1. Указать путь, каким мы приходим ко всякому знанию, достаточно для доказательства того, что оно неврожденно. Некоторые считают установленным взгляд, будто в разуме есть некие врожденные -принципы, некие первичные понятия Кпйнбя 'Эннпйбй2, так сказать запечатленные в сознании знаки, которые душа получает при самом начале своего бытия и приносит с собою в мир/ Чтобы убедить непредубежденных читателей в ложности этого предположения, достаточно лишь показать, как люди исключительно при помощи своих природных способностей, без всякого содействия со стороны врожденных впечатлений, могут достигнуть всего своего знания и прийти к достоверности без таких первоначальных понятий или принципов. Ибо, я думаю, все охотно согласятся, что дерзко предполагать врожденными идеи цветов в существе, которому бог дал зрение и способность воспринимать при помощи глаз цвета от внешних вещей. Не менее безрассудно считать некоторые истины природными отпечатками и врожденными знаками, но ведь мы видим в себе способность прийти к такому же легкому и достоверному познанию их и без того, чтобы они были первоначально запечатлены в душе) (что я и надеюсь показать в последующих разделах этого сочинения). Но так как при поисках истины человек не может, не подвергаясь порицанию, следовать ходу своих мыслей, когда они хоть немного уводят его от общепринятого пути, то я изложу основания, породившие во мне сомнение в истинности указанного выше мнения, изложу их как оправдание своему заблуждению, если только я заблуждаюсь. А об этом пусть судят те, кто, подобно мне, принимает истину всюду, где бы ни нашли ее.

2. Общее согласие как главный довод. Ничто не пользуется таким общим признанием,
Страница 9

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org
как то, что есть некоторые принципы, как умозрительные, так и практические (ибо речь ведут и о тех и о других), с которыми согласны все люди. Отсюда защитники приведенного взгляда заключают⁵ 'Аго эти принципы необходимо должны быть постоянными отпечатками, которые души людей получают при начале своего бытия и приносят с собой в мир столь же необходимо и реально, как и все другие присущие им способности.

3. Общее согласие вовсе не доказывает врожденности.

Довод со ссылкой на всеобщее согласие заключает в себе тот изъян, что, будь даже в самом деле верно, что существует несколько признаваемых всем человечеством истин, он все-таки не доказывал бы врожденности этих истин, если бы удалось показать, что имеется другой путь, каким люди приходят ко всеобщему согласию относительно вещей, о которых они сходятся во взглядах, а я предполагаю, что это показать возможно.

4. Положения: <Что есть, то есть> и <Невозможно, чтобы одна и та же вещь была и не была> – не пользуются всеобщим признанием. Но, что гораздо хуже, довод со ссылкой на всеобщее согласие, которым пользуются для доказательства существования врожденных принципов, мне кажется, скорее доказывает, что их нет, ибо нет принципов, которые бы пользовались признанием всего человечества. Я начну с умозрительных принципов и приведу в пример прославленные принципы доказательства: <Что есть, то есть> и <Невозможно, чтобы одна и та же вещь была и не была> 3, – которые более всяких других, как мне кажется, имеют право называться врожденными. Они приобрели себе такую славу общепринятых положений, что, без сомнения, покажется странным, если кто усомнится в этом. И тем не менее я беру на себя смелость утверждать, что эти предложения так далеки от всеобщего их признания, что значительной части человечества совершенно неизвестны.

5. Эти положения не запечатлены в душе от природы, ибо они неизвестны детям, идиотам и другим людям. Ибо, во-первых, очевидно, что дети и идиоты не имеют ни малейшего понятия или помышления о них. А этого пробела достаточно, чтобы расстроить всеобщее согласие, которое должно непременно сопутствовать всем врожденным истинам; мне кажется чуть ли не противоречием утверждение, будто есть запечатленные в душе истины, которых душа не осознает или не понимает, так как <запечатлеть>, если это имеет какой-нибудь смысл, означает не что иное, как способствовать тому, чтобы некоторые истины были осознаны, ибо запечатление чего-либо в душе без осознания его кажется мне малопонятным. Если, стало быть, у детей и идиотов есть разум, есть душа с отпечатками на ней, они неизбежно должны осознавать эти отпечатки и необходимо знать и признавать эти истины. Но так как они этого не делают, то очевидно, что таких отпечатков нет. Ибо если они не есть понятия, запечатленные от природы, то как они могут быть врожденными? И если

они есть понятия запечатленные, то как могут они быть неизвестными? Утверждать, что понятие запечатлено в душе, и в то же самое время утверждать, что душа не знает о нем и еще никогда не обращала на него внимания, – значит превращать этот отпечаток в ничто. Ни про одно положение нельзя сказать, что оно находится в душе, если она раньше никогда не знала и не создала его/ Если бы это все же было возможно, то на том же самом основании все истинные положения, с которыми душа способна согласиться, можно считать находящимися в душе и запечатленными в ней. В самом деле, если какое-нибудь положение, которого душа еще не знала, можно считать находящимся в ней, то только потому, что она способна знать его; а душа способна на это по отношению ко всем истинам, какие она когда-либо будет знать. Более того, если так, то могут быть запечатленными в душе такие истины, которых она никогда не знала да и знать не будет, ибо человек может жить долго и наконец умереть в неведении многих истин, которые его душа была способна знать, и знать достоверно. Так что если природный отпечаток считать за способность знать, то все истины, какие когда-либо познает человек, окажутся в силу этого врожденными. И весь этот важный вопрос сведется всего лишь к неудачному способу выражения: думая сказать нечто противоположное, на деле он утверждает то же самое, что и отрицающие врожденные принципы. Ибо, мне кажется, никто никогда не отрицал того, что душа способна познавать разные истины. Способность, говорят они, врожденна; знание приобретено. Но зачем в таком случае такая борьба за врожденность некоторых положений? Если истины, могут быть запечатлены в нашем разуме, не будучи усмотрены им, я не вижу никакой разницы в отношении происхождения между любыми истинами, которые душа способна познавать; они должны быть или все врожденными, или все привходящими; напрасны старания различить их.

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org
Следовательно тот, кто говорит о врожденных понятиях, находящихся в разуме, не может, если имеет в виду любой определенный вид истин, подразумевать, что в разуме находятся такие истины, которых разум никогда не осознавал и даже совсем не знает. Ведь если слова <находиться в разуме> имеют какой-нибудь смысл, то они значат <быть понятым>. Так что находиться в разуме и не быть понятым, быть в душе и никогда не быть осознанным – это все равно что утверждать, будто что-нибудь и находится и не находится в душе или разуме. Стало быть, если эти два поло-

жения: <Что есть, то есть> и <Невозможно, чтобы одна и та же вещь была и не была> – запечатлены от природы, то дети не могут не знать о них, младенцы и все имеющие душу необходимо должны иметь их в своем разуме, знать их истинность и соглашаться с нею.

6. Возражение тем, кто утверждает, будто люди познают эти истины, когда начинают рассуждать. Чтобы избежать этого противоречия, обыкновенно говорят, что все люди познают эти истины и соглашаются с ними, когда начинают рассуждать; и этого будто бы достаточно для доказательства их врожденности. Я отвечаю на это:

7. Неясные выражения, едва ли имеющие какой-нибудь смысл, сходят за ясные доводы у людей предубежденных, которые не дают себе труда даже подумать о том, что говорят сами. В самом деле, если придать разбираемому возражению смысл, хоть сколько-нибудь подходящий для нашей цели, оно должно значить одно из двух: или что эти предполагаемые врожденные надписи становятся известными людям и замечаются ими, как только они начинают рассуждать, или же что пользование разумом и упражнение его помогают людям открывать эти принципы и получить о них определенное знание.

8. Если бы рассуждение открывало эти принципы, это не доказывало бы их врожденности. Если возражение имеет тот смысл, что благодаря пользованию разумом люди могут открыть эти принципы и что этого достаточно для доказательства их врожденности, то способ доказательства при этом будет такой: все истины, которые мышление может открыть для нас с достоверностью и с которыми может заставить нас вполне согласиться, запечатлены в душе от природы. Но так как всеобщее согласие, принятое за признак врожденности истин, сводится всего только к тому, что, пользуясь разумом, мы способны приходиться к некоторому познанию этих истин и к согласию с ними и что, таким образом, не существует никакой разницы между математическими аксиомами и выводимыми из них теоремами, то все истины должны быть тогда признаны одинаково врожденными, ибо все они открыты благодаря пользованию разумом и представляют собой истины, к познанию которых непременно может прийти разумное существо, если оно правильно пользуется своим мышлением.

9. Ложно мнение, будто эти истины открывает разум. Но как могут эти люди считать пользование разумом необходимым для открытия принципов, принимаемых за

врожденные, когда разум (если только поверить возражающим) есть не что иное, как способность выводить неизвестные истины из принципов или положений уже известных? Конечно, никогда нельзя считать врожденным то, что нуждается для своего открытия в разуме, если не будем (как я только что сказал) признавать врожденными все достоверные истины, которым научает нас разум. Если разум или его действие необходимы для того, чтобы заставить познавательные силы видеть то, что первоначально запечатлено в них и что не может находиться в них, не будучи ими уже осознано, то с таким же правом можно считать применение разума необходимым для того, чтобы наши глаза могли открыть видимые предметы. Так что заставлять разум открывать эти запечатленные истины – значит утверждать, что рассуждение открывает человеку то, что он знал раньше. А говорить, что люди имеют эти врожденные запечатленные истины первоначально и до приведения в действие разума и что они тем не менее вовсе не знают их, пока не начнут пользоваться разумом, – это, право, значит утверждать, что люди в одно и то же время и знают и не знают их.

10. Здесь возразят, быть может, что математические доказательства и другие неврожденные истины не принимаются сразу же по их оглашении, чем они и отличаются от указанных выше максим и других врожденных истин. Вскоре я буду иметь случай поговорить подробнее о немедленном признании истин. Я только допускаю здесь, и с большою охотой, что эти максимы и математические доказательства различаются тем, что для понимания последних и согласия с ними

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org
нам нужно применить разум и прибегнуть к доказательствам, тогда как первые воспринимаются и получают признание без малейшего рассуждения сейчас же, как станут понятными. Впрочем, позволю себе заметить, что этим обнаруживается слабость отговорки, по которой требуется пользование разумом для открытия этих общих истин, так как следует признать, что рассуждение при их открытии вообще не принимает никакого участия. А ведь, думается мне, те, кто делает это возражение, не решатся утверждать, что знание истинности утверждения <Невозможно, чтобы одна и та же вещь была и не была> есть вывод рассуждения нашего разума. Ибо это значило бы разрушать самую щедрость природы, столь любимую ими, ставя знание этих принципов в зависимость от работы нашего мышления, ибо всякое рассуждение есть искание и обдумывание и требует

усилий и прилежания. И какой смысл может быть в предположении, что запечатленное природой в уме, являясь основанием и руководителем нашего разума, для своего открытия нуждается в помощи разума?

11. Кто даст себе труд хоть сколько-нибудь внимательно вдуматься в деятельность сил разума, найдет, что быстрое согласие разума с некоторыми истинами зависит не от природного запечатления и не от процесса рассуждения, а от способности ума, совершенно отличной от того и другого 4, как мы увидим позже. Следовательно, рассуждение не имеет никакого отношения к нашему согласию с этими максимами. И если словами <Люди знают и признают эти истины, когда начинают рассуждать> хотят сказать, что рассуждение помогает нам в познании этих максим, то это совершенно ложно; а если бы оно было верно, то доказывало бы, что эти максимы неврожденны.

12. Начало рассуждения не есть то время, когда мы приходим к знанию этих максим. Если, указывая на знание и принятие этих максим, когда мы приступили к рассуждению, хотят сказать, что начало рассуждения есть время, когда разум приступает к знакомству с ними, и что, как только дети начинают пользоваться разумом, они вместе с тем приходят к знанию и признанию этих максим, то это утверждение так же ложно и легкомысленно. Во-первых, оно ложно, ибо очевидно, что эти максимы не появляются в душе так же рано, как начинают рассуждать, и, следовательно, начало рассуждения ложно считается временем их открытия. Много ли случаев рассуждающей деятельности у детей мы можем наблюдать задолго до того, как они знают что-нибудь о максиме <Невозможно, чтобы одна и та же вещь была и не была>? А большая часть необразованных людей и дикарей проводят много лет даже в разумном возрасте, совсем и не подозревая о существовании таких и тому подобных общих положений. Я допускаю, что люди не приходят к знанию этих общих и отвлеченных истин, принимаемых за врожденные, пока не начнут рассуждать; но я прибавлю, что они не знают их и тогда. А это верно. Когда люди начинают рассуждать, у них еще не бывают образованы в душе те общие отвлеченные идеи, к которым относятся общие максимы, по ошибке принимаемые за врожденные принципы; они в действительности являются открытиями, истинами, внедренными в разум и проникающими в него тем же самым путем, открываемыми такими же действиями, как и некоторые другие положения, которые никому

и не прихвдило когда-либо в голову считать врожденными. Я надеюсь разъяснить это в последующем изложении. Я, следовательно, тоже признаю, что люди с необходимостью начинают рассуждать раньше, чем они достигают познания этих общих истин, но отрицаю, будто начало рассуждения есть время их открытия.

13. Этим способом невозможно отличить указанные максимы от других познаваемых истин. В то же время надо заметить, что слова <Люди знают и признают эти максимы, когда начинают рассуждать> в сущности сводятся всего только к следующему: <Эти положения неизвестны, и их не замечают до начала рассуждения, но они могут получить признание когда-нибудь впоследствии, в продолжение жизни человека, а когда – неизвестно>. Но такими вполне могут быть все другие познаваемые истины. Следовательно, этот признак – стать известными, когда начинают рассуждать, – не дает разбираемым истинам никакого преимущества перед другими и не отличает их от других, и этим доказывается не их врожденность, а совершенно обратное.

14. Если бы начало рассуждения было временем открытия этих истин, это не доказывало бы их врожденности. Но, во-вторых, будь верно то, что эти истины узнаются и признаются как раз в то время, когда начинают рассуждать, это не

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org доказывало бы их врожденности. Такой способ доказательства настолько же легкомыслен, насколько само предположение этого ложно. В самом деле, какая логика позволяет заключать, что понятие запечатлено в душе первоначально от природы, при первом же формировании души, на том основании, что оно впервые замечается и признается в то время, когда начинает развиваться способность души, имеющая свою особую область применения? И если предположить, что время, когда начинают пользоваться речью, является временем, в которое мы впервые соглашаемся с этими максимами (а оно может быть им с такой же вероятностью, как время, когда начинают рассуждать), то это с таким же успехом доказывало бы как их врожденность, так и то утверждение, что они врожденны потому, что люди соглашались с ними, когда начинают мыслить. Так же как и сторонники врожденных принципов, я в таком случае признаю, что в душе нет знания этих общих и самоочевидных максим, пока человек не начнет рассуждать; но я отрицаю, что начало рассуждения есть точное время первого ознакомления с ними; да и будь оно точным его временем, я отрицаю,

что это доказывает их врожденность. Весь подлинный смысл предложения <Люди соглашались с несомненными истинами, когда начинают рассуждать> может сводиться к следующему: так как образование общих отвлеченных идей и понимание общих имен определяются мыслительными способностями и развиваются вместе с ними, то дети обыкновенно не приобретают этих общих идей и не знают обозначающие их имена до тех пор, пока после долгого применения своего разума к более обычным и частным идеям они по их повседневным разговорам и действиям в отношении других не будут признаны способными к разумной беседе. Если слова <согласие с этими максимами при начале рассуждения> могут иметь какой-нибудь другой верный смысл, желал бы я, чтобы его показали или по крайней мере пояснили, каким образом они доказывают врожденность положений, если понимать эти слова в таком или в каком-нибудь другом смысле.

15. Шаги, которыми разум (mind) доходит до различных истин. Чувства сперва вводят единичные идеи и заполняют ими еще пустое место (empty cabinet), и, по мере того как разум постепенно осваивается с некоторыми из них, они помещаются в памяти и получают имена. Затем, подвигаясь вперед, разум абстрагирует их и постепенно научается употреблению общих имен. Так разум наделяется идеями и словами, материалом для упражнения своей способности рассуждения. С увеличением материала, дающего разуму работу, применение его с каждым днем становится все более и более заметным. Но хотя запас общих идей и растет обыкновенно вместе с употреблением общих имен и рассуждающей деятельностью, все-таки я не вижу, как это может доказать их врожденность. Знание некоторых истин, я признаюсь, появляется в душе очень рано; но оно появляется таким путем, который показывает, что они неврожденны, ибо наблюдение всегда обнаружит нам, что такое знание принадлежит к идеям не врожденным, а приобретенным, так как уже вначале оно имеет дело с идеями, запечатлевшими внешние вещи, с которыми раньше всего встречаются младенцы и которые всего чаще воздействуют на их чувства. В полученных таким образом идеях разум открывает взаимное согласие одних и несогласие других, вероятно, сейчас же, как начинает пользоваться памятью и становится способным удерживать и принимать определенные идеи. Как бы то ни было, верно то, что это происходит задолго до употребления слов или того, что мы обыкновенно называем <пользованием разу-

мом>. Ведь ребенок раньше, чем начинает говорить, знает разницу между идеями сладкого и горького (т. е. что сладкое не есть горькое) так же верно, как впоследствии, когда начинает говорить, он знает то, что полынь и леденцы не одно и то же.

16. Ребенок не знает, что три и четыре – семь, пока не научится считать до семи и не получит имени и идеи равенства. И затем после уяснения этих слов он сейчас же признает или, скорее, постигает истину этого положения. Но и тогда соглашается он так охотно не потому, что оно – врожденная истина, а до этого не соглашался не потому, что не умел рассуждать. Истина положения выявилась для него. как только в его душе закрепились ясные и определенные идеи, обозначаемые упомянутыми словами. И тогда ребенок познает истинность этого положения на том же основании и тем же самым способом, каким он узнал раньше, что розга и вишня не одно и то же; и на том же самом основании он узнает впоследствии, что <невозможно, чтобы одна и та же вещь была и не была>, как это будет дальше показано более полно. И чем позже, стало быть, кто-нибудь приобретает те общие идеи, к которым относятся подобные максимы, или узнает значение обозначающих их общих терминов, или соединяет в своей душе идеи, которые они обозначают, тем

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org позже также согласится он с этими максимами, и так как его слова вместе с обозначаемыми ими идеями врожденны ничуть не больше, чем идеи кошки или ласки, то ему нужно ждать, пока время и наблюдение не познакомят его с ними. И тогда он будет в состоянии узнать истинность этих максим при первом случае, который даст ему возможность соединить в его душе полученные идеи и заметить их взаимное соответствие или несоответствие в отношении к содержанию положения. Стало быть, взрослый человек познаёт, что восемнадцать и девятнадцать – тридцать семь не той же самоочевидности, как и то, что один и два – три. Однако ребенок познаёт первую истину не так скоро, как последнюю, не по недостатку рассуждения, а потому, что идеи, обозначаемые словами <восемнадцать>, <девятнадцать> и <тридцать семь>, он приобретает не так скоро, как идеи, выражаемые словами <один>, <два> и <три>.

17. Согласие с истинами сразу же после того, как они произнесены и поняты, не есть доказательство их врожденности. Так как указанная уловка относительно общего согласия при начале рассуждения не состоятельна и уничтожает разницу между этими якобы врожденными исти-

нами и истинами, приобретенными впоследствии и выученными, то постарались спасти тезис о всеобщем согласии с положениями, которые называют максимами, при помощи утверждения, что они вообще получают признание сейчас же, как их высказывают и как становятся понятными слова, в которых они выражены. Видя, что каждый человек, даже ребенок, соглашается с этими положениями сейчас же, как услышит их и поймет входящие в них слова, считают это достаточным для доказательства их врожденности. Ибо на том основании, что люди, поняв раз слова, всегда признают эти положения за несомненные истины, заключают, что, безусловно, в разуме изначально были заключены те положения, которые душа немедленно принимает, с которыми соглашается при самом первом их сообщении, без всякой выучки и в которых больше никогда не сомневается.

18. Если такое согласие есть признак врожденности, то должны быть врожденными положения: <Один и два составляют три>, <Сладкое не есть горькое> и тысячи тому подобных. В ответ на это я спрашиваю, может ли быть верным признаком врожденности принципа согласие с положением, изъявляемое сразу же, как только будут услышаны и поняты его слова? Если нет, то напрасно такое общее согласие приводится в качестве доказательства врожденности. Если же говорят, что это признак врожденности, тогда необходимо признать врожденными все такие положения, с которыми люди соглашаются, как только их услышат, причем будет обнаружено, что они в изобилии снабжены врожденными принципами. Ибо на том же самом основании (а именно на основании согласия с положением, изъявляемого сразу же, как только эти термины будут услышаны и поняты), на каком они хотят выдать некоторые максимы за врожденные, они должны также допустить врожденность многих положений о числах. Таким образом, должны получить место между врожденными аксиомами такие положения, как <один и два – три>, <два и два – четыре>, и множество других подобных арифметических положений, с которыми все соглашаются сейчас же, как услышат и поймут входящие в них слова. Но это согласие не есть прерогатива одних лишь чисел и положений, к ним относящихся: и в натурфилософии, и во всех других науках есть положения, встречающие, несомненно, признание сейчас же, как только их поймут. Положение <два тела не могут находиться в одном и том же месте> есть истина, вызывающая не больше сомнений, чем максима

<одна и та же вещь не может быть и не быть>, или <Черное не есть белое>, или <Четырехугольник не есть круг>, или <Горечь не есть сладость>. Все здравомыслящие люди неизбежно должны согласиться с этими и с миллионом им подобных положений, как только их услышат и поймут то, что означают употребленные в них названия; таких положений столько, сколько мы имеем различных идей. Если сторонники врожденных принципов останутся верны своему правилу и примут за признак врожденности согласие, изъявляемое сразу же, как только будет услышано и понято положение, то они должны допустить не только столько же врожденных положений, сколько у людей есть различных идей, но и столько, сколько можно образовать положений, где отрицаются различные идеи. Ибо со всяким положением, где одна идея отрицает отличную от нее другую, несомненно, согласятся сразу же, как только будут услышаны и поняты его слова, так же как согласятся с общим положением <Одна и та же вещь не может быть и не быть> или с тем несомненным положением, которое служит основанием для только что высказанного и еще более очевидно: <Одинаковое не есть различное>; вследствие чего явятся целые легионы врожденных положений одного лишь этого рода, не говоря о других. Но так как не может быть врожденным положение, если идеи, о которых в

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org
нем идет речь, неврожденны, то тогда [, по мнению таких сторонников,] пришлось бы считать врожденными все наши идеи цветов, звуков, вкусов, форм и т. д., а это больше, чем что-либо другое, противоречит разуму и опыту. Я признаю, что всеобщее согласие, изъявляемое сразу же, как только бывают услышаны и поняты слова, есть признак самоочевидности; но так как самоочевидность зависит не от врожденных впечатлений, а от чего-то иного (как мы это покажем позже 5), то она присуща многим положениям, которые никто не решался принимать за врожденные.

19. Такие менее общие утверждения известны ранее общих максим. И пусть не говорят, что более частные самоочевидные утверждения, такие, как <Один и два - три> или <Зеленое не красное>, с которыми соглашались сейчас же, как услышат их, воспринимаются как следствия из тех более общих утверждений, которые считаются врожденными принципами. Так как всякий, кто даст себе труд заметить, что происходит в разуме, найдет, конечно, что эти и им подобные менее общие утверждения хорошо известны, и с ними полностью соглашались те, кто совсем не знает более общих максим, и так как, следовательно,

они появляются в разуме раньше этих (так называемых) первых принципов, то они и не могут быть обязаны последним тем согласием, которое выражают с ними сейчас же, как только их услышат.

20. Ответ на возражение, что утверждения <Один и один составляют два> и т. д. не являются общими и полезными. Если скажут, что такие утверждения, как <Два и два - четыре>, <Красное не голубое> и т. д., не общие и не особенно полезные максимы, то я отвечу, что это не имеет никакого отношения к доводу о всеобщем согласии, данном сразу же, как только положение бывает услышано и понято. Ведь если считать всеобщее согласие верным признаком врожденности, то всякое положение, с которым все выражают согласие сейчас же, как оно бывает услышано и понято, должно быть признано за врожденное, как и максима <Одна и та же вещь не может быть и не быть>, так как в этом отношении они равны. А что касается различия между этими положениями, состоящего в большей обобщенности последней максимы, то оно делает ее еще более далекой от врожденности, так как подобные общие и отвлеченные идеи более чужды нашим первым восприятиям, чем идеи более частных самоочевидных положений; поэтому проходит больше времени, прежде чем развивающийся разум признает их и согласится с ними. А что касается пользы от этих хваленых максим, то, когда более полно исследуют их надлежащее место, ее, быть может, найдут не такою большою, как обыкновенно представляют себе.

21. То обстоятельство, что иногда не знают этих максим, пока их не сообщают, доказывает, что они неврожденны. Но мы еще не совсем покончили с утверждением о том, что есть положения, с которыми соглашались сразу же, как только их услышат и поймут. Прежде всего следует отметить, что это согласие, вместо того чтобы быть признаком врожденности положений, доказывает противное, ибо оно предполагает, что многие люди, которые знают и понимают другие вещи, не знают этих принципов, пока им не сообщат их, и что можно быть незнакомым с этими истинами, пока не услышишь о них от других. Будь они врожденными, зачем должны они быть сообщены, чтобы добиться согласия с ними, когда, находясь в разуме в качестве природных* и первоначальных впечатлени (если бы такие существовали), они не могли бы не быть известными с самого начала? Разве сообщение их отпечатывает их в душе яснее, чем это сделала сама природа? Если так, то выходит,

что человек после того, как научится им, знает их лучше, чем до этого. А коли так, то обучение нас другими людьми этим принципам может сделать их для нас более очевидными, чем сделала их природа своим запечатлением, а это плохо согласуется с мнением о врожденности принципов и понижает их значение; более того, делает их неподходящими основами всего нашего прочего знания, какими их считают. Нельзя отрицать, что люди впервые знакомятся со многими из этих самоочевидных истин только после того, как они сообщены им другими; но, с другой стороны, ясно, что при этом всякий понимает, что знакомится с положением, которого раньше не знал, но в котором с этих пор уже больше не сомневается, и это не потому, что оно было врожденным, а потому, что рассмотрение природы вещей, о которой идет речь в словах этого положения, не позволяет человеку мыслить иначе, каким бы образом или когда бы ему ни приходилось размышлять об этом б. И если должно считать за врожденный принцип все то, с чем соглашались сейчас же, как только услышат и поймут слова, то должны считаться врожденными все хорошо обоснованные наблюдения, опирающиеся на частные факты и восходящие к

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org общему правилу. Между тем, однако, известно, что не все, а только пронизательные умы приходят сначала к таким наблюдениям и выводят из них общие положения, которые не врожденны, а выведены из предыдущего знания отдельных явлений и размышления о частных случаях 7. Когда люди наблюдательные делают такие заключения, люди ненаблюдательные не могут не выразить с ними свое согласие, коль скоро им сообщают эти заключения.

22. Скрытое знание этих максим до их сообщения нам другими лицами значит или то, что душа способна понимать их, или ничего не значит. Если сказать: <Разум (understanding) имеет скрытое, а не явное знание этих принципов до их первого сообщения> (как должны говорить те, кто будет утверждать, что принципы находятся в разуме до того, как они известны ему), то трудно представить себе, что же все-таки означает, что принцип, скрытно запечатлен в разуме, если не то, что душа способна понимать такие положения и твердо соглашаться с ними. И тогда все математические доказательства, точно так же как первые принципы, надо признать за природные отпечатки в душе; но это, думаю, едва ли признают те, кто находит, что доказать положение труднее, чем согласиться с ним, когда оно доказано. И немногие математики будут готовы поверить, что все их построения лишь

копии врожденных черт, которые природа запечатлела в их душе.

23. Довод, ссылающийся на согласие, данное сейчас же после полученного сообщения, основан на ложном предположении, что согласию не предшествовало никакое обучение. Предыдущий довод, боюсь я, слаб и в том отношении, что хочет убедить нас в том, что максимы, признаваемые людьми сразу же, как только их слышат, должны считаться врожденными потому, что люди соглашаются с положениями, которым раньше не учились и которые они принимают не в силу какого-нибудь довода или доказательства, а в силу простого объяснения и понимания слов. Но тут, мне кажется, скрывается следующее заблуждение: предполагается, что людей ничему не обучают и они ничего не учат de novo 8, между тем как на деле их обучают и они учат что-то такое, чего раньше не знали. Ибо, во-первых, очевидно, что они выучили слова и их значения: ни го ни другое не родилось вместе с ними. Но это еще не все приобретаемое в данном случае знание: сами идеи, о которых идет речь в положении, так же как и их названия, не родились с людьми, а приобретены впоследствии.

И так как ни в одном положении, с которым соглашаются немедленно по его сообщении, не являются врожденными ни слова, обозначающие некоторые идеи, ни сами обозначаемые ими идеи, то я желал бы знать, что в таких положениях остается врожденного, ибо я был бы рад, если бы мне указали положение, слова или идеи которого врожденны. Мы постепенно приобретаем идеи и названия и изучаем их взаимную связь, и тогда мы сразу же соглашаемся с положениями, состоящими из слов. значения которых мы выучили и в которых выражены соответствие или несоответствие, замечаемые нами в наших идеях, когда мы их сопоставляем. В то же время мы никоим образом не можем согласиться с другими положениями, которые сами по себе столь же достоверны и очевидны, но относятся к идеям, приобретаемым не так скоро или не так легко. Ребенок сейчас же согласится с положением <яблоко не огонь>, когда после близкого знакомства идеи этих двух различных вещей будут ясно запечатлены в его душе и он выучит обозначающие их слова <яблоко> и <огонь>. Но вероятно, пройдет еще несколько лет, прежде чем тот же ребенок согласится с положением <Одна и та же вещь не может быть и не быть>. Быть может, слова последнего положения выучить так же легко; но так как значение их шире, объемнее и отвлеченнее, чем значения названий,

связываемых с теми ощущаемыми вещами, с которыми имел дело ребенок, то он дольше не узнает их точный смысл, и, ясно, требуется больше времени, чтобы в его душе образовались обозначаемые ими общие идеи. Пока этого не совершится, тщетны будут все ваши старания заставить какого-либо ребенка согласиться с положением, составленным из таких общих слов. Но как только он приобретет эти идеи и выучит их имена, то с готовностью согласится с обоими вышеупомянутыми положениями, и с обоими на одном и том же основании, именно потому, что увидит, как идеи, находящиеся в его уме, соответствуют или не соответствуют друг другу, точно так же как обозначающие их слова утверждают или отрицают друг друга в данном положении. Но если ему даны положения, состоящие из слов, обозначающих идеи, которых он еще не имеет в уме, то, как бы ни была очевидна сама по себе истинность или ложность таких положений, ребенок не в состоянии соглашаться или не соглашаться: он их не знает. Ибо слова, если они не являются знаками наших

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org
идей, всего лишь пустые звуки, и мы можем соглашаться с ними лишь постольку, поскольку они соответствуют тем идеям, которые мы имеем, но не больше. Но так как указать шаги и пути, какими приходит в наш ум знание, а также указать основания для различных степеней согласия с ним есть задача последующего изложения, то здесь достаточно только слегка коснуться этого предмета как одного из поводов, который вызвал у меня сомнения относительно врожденных принципов.

24. Они неврожденны, потому что не пользуются всеобщим согласием. Чтобы покончить с этим доводом, ссылающимся на всеобщее согласие, я допускаю вместе с защитниками врожденных принципов, что, будь они врожденны, они непременно должны бы пользоваться всеобщим согласием. Ибо, что истина может быть врожденной и все-таки не быть признанной, это для меня так же непонятно, как и то, что человек в одно и то же время может и знать и не знать истину. Но, по собственному признанию этих защитников, данные истины не могут быть врожденными. С этими положениями не соглашайтесь те, кто не понимает этих слов, да и большая часть тех, кто понимает их, но еще никогда не слышали и не думали об этих положениях; а к ним, мне представляется, относится по меньшей мере половина человеческого рода. Но если бы число таких людей было намного меньше, этого все-таки было бы достаточно для нарушения всеобщего согласия, и если одни

только дети не знают этих положений, то этим уже доказано, что последние не являются врожденными.

25. Эти максимы не первые познаваемые нами истины. Но чтобы меня не обвиняли в том, что я основываю свои рассуждения на неизвестных нам мыслях детей и делаю заключения из того, что происходит в их уме, прежде чем они сами могут об этом сказать, я скажу, что два упомянутых общих положения 9 не суть первые истины, которые завладевают детской душой, и не предшествуют всем приобретенным и привходящим в душу понятиям; а они непременно должны были бы быть такими, если бы были врожденными. Можем ли мы или не можем определить с точностью время, когда дети начинают мыслить, это не важно; несомненно, что такое время наступает; слова и действия детей ясно показывают нам, что они мыслят. Если, стало быть, дети способны мыслить, познавать, соглашаться, то может ли быть разумным предположение, будто они могут не знать запечатленных от природы понятий, если бы такие действительно существовали? Может ли быть у нас хоть какое-нибудь реальное основание для того, чтобы представить себе, что дети воспринимают впечатления от внешних вещей и в то же время не знают знаков, которые сама природа позаботилась запечатлеть в них самих? Могут ли они воспринимать привходящие понятия и соглашаться с ними и не знать тех, которые, как предполагают, вплетены в самое основание их существа и запечатлены в нем неизгладимыми знаками, чтобы быть основанием и путеводителем всего их приобретенного знания и будущих рассуждений? [думать] так значило бы делать природу прилагающей усилия бесцельно или по крайней мере пишущей очень скверно, если ее знаков не могут разобрать глаза, которые отлично видят другие вещи. И совершенно неверно считают самыми ясными частями истины и основанием всего нашего познания то, что узнается не в первую очередь и без чего возможно достоверное знание о многих других вещах. Ребенок прекрасно знает, что нянька, которая его кормит, не кошка, с которой он играет, и не арап, которым его пугают, что цитварное семя или горчица, от которой он отворачивается, не яблоко и не сахар, которого он требует с плачем; все это он знает достоверно и несомненно. Но кто же скажет, что он так твердо уверен в этих и других своих знаниях вследствие силы принципа <одна и та же вещь не может быть и не быть> или что ребенок имеет понятие или представление об этом принципе в том возрасте, когда он несомненно

знает множество других истин? Того, кто скажет: <Дети соединяют эти общие, отвлеченные умозрения со своими сосками и погремушками>, справедливо можно считать человеком более пылко и страстно стоящим за свои убеждения, чем дети, но менее, чем они, искренним и правдивым.

26. Стало быть, эти принципы неврожденны. Существуют, несомненно, некоторые общие положения, с которыми сейчас же по их сообщении постоянно и охотно соглашаются взрослые люди, умеющие пользоваться более общими и отвлеченными идеями и обозначающими эти идеи именами. Но так как их нельзя найти у людей в раннем их возрасте, когда они тем не менее знают другие вещи, то эти положения не могут претендовать на всеобщее согласие со стороны разумных людей и, следовательно, никоим образом не могут считаться врожденными. Ибо невозможно,

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org
чтобы какая-нибудь врожденная истина (если бы такая была) была неизвестна по крайней мере тому, кто знает что-нибудь другое. Будь они врожденными истинами, они должны были бы быть врожденными мыслями, ибо в уме не может быть истины, о которой бы он никогда не мыслил. Отсюда ясно, что если бы были врожденные истины, они необходимо должны были бы быть самыми первыми, о которых думают, первыми, появляющимися в уме.

27. Они неврожденны, ибо проявляются менее всего там, где то, что является врожденным, обнаруживается с наибольшей ясностью. Мы уже достаточно доказали, что общие максимы, о которых мы говорим, неизвестны детям, идиотам и большой части человечества; отсюда ясно, что они не пользуются всеобщим согласием и не являются общими для всех людей запечатлениями (impressions). Но в этом заключено еще одно возражение против их врожденности. Будь эти знаки природными и первоначальными запечатлениями, они должны были бы появляться четче и яснее всего у тех людей, у которых мы тем не менее не находим никаких следов их (и, по-моему, это обстоятельство убедительно говорит против их врожденности), ибо они менее всего известны тем людям, в которых, будь они врожденными, эти принципы непременно должны были бы проявляться с наибольшей силой. Ведь дети, идиоты, дикари и необразованные люди менее всех остальных испорчены обычаем и заимствованными мнениями, так как образование и воспитание не отлило их природных мыслей в новые формы и внесением чужих изученных доктрин не стерло ясных знаков, начертанных природой. Можно было бы не без основания представить себе, что в их умах эти врожден-

ные понятия должны быть открыты взору каждого, подобно мыслям детей. И можно было бы с полным правом ожидать, что эти принципы всего лучше известны кретинам. Так как они запечатлены непосредственно в уме (по предположению сторонников врожденности идей), то не могут быть зависимы от строения или органов тела, а это составляет единственное признанное отличие данных принципов от других. В соответствии с воззрениями сторонников врожденности идей можно предположить, что в людях, не знающих скрытности, не умеющих утаивать, все эти природные лучи света (если таковые существуют) должны сиять во всем блеске, заставляя нас так же мало сомневаться в своем существовании, как мало мы сомневаемся в любви таких людей к удовольствию и в отвращении к страданию. Но увь! Какие общие максимы и какие всеобщие принципы знания можно найти у детей, идиотов, дикарей и людей необразованных? Их понятия скудны и ограничены, заимствованы исключительно от тех предметов, с которыми они больше всего имели дело и которые чаще всего и сильнее всего действовали на их чувства. Ребенок знает свою няню и свою колыбель, а постепенно, в более старшем возрасте, познает свои игрушки; у молодого дикаря голова, возможно, заполнена любовью и охотой, согласно с обычаями племени. Но кто от необученного ребенка или дикого обитателя лесов будет ждать этих отвлеченных максимумов и известных научных принципов, тот, боюсь, ошибется. Такого рода общие положения редко упоминаются в индейских вигвамах; еще труднее найти их в детском мышлении или какие-нибудь следы их в душе кретин. Они представляют собой язык и поле деятельности школ и академий образованных народов, привычных к общению или учению такого рода, при котором часто происходят диспуты. Эти максимы пригодны для искусственной аргументации и полезны для убеждения оппонентов, но мало содействуют раскрытию истины и успехам знания. Впрочем, о малой пользе их для развития знания я буду иметь случай поговорить подробнее в главе 7 книги IV.

28. Краткие итоги. Я не знаю, до какой степени нелепыми покажутся мои слова мастерам доказательства, и, вероятно, едва ли кто-нибудь <проглотит> сказанное мною с первой попытки. Я должен поэтому просить короткого перемирия с предубежденностью, а также, охотно желая подчиниться более обоснованным суждениям, прошу воздержаться от порицания, пока не будет изучено все, что

далее излагается. А так как я беспристрастно ищу истины, то не буду огорчен, если меня убедят, что я слишком влюблен в свои собственные понятия, хотя, сознаюсь, все мы склонны быть такими, когда усиленные занятия разгорячат наши головы.

В целом я не вижу оснований считать эти две знаменитые умозрительные максимы врожденными, так как они не пользуются всеобщим признанием и согласием, которое с ними обыкновенно выражают, одинаково разделяют с ними другие утверждения, не признаваемые за врожденные, и так как согласие, которое выражают с ними, получают другим путем, а не потому, что они запечатлеваются в уме от природы, что, не сомневаюсь, станет ясным при последующем изложении. Но если обнаружено,

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org
что эти первые принципы познания и науки не являются врожденными, то, думаю я, никакие другие умозрительные максимы не имеют большего права претендовать на врожденность.

Глава третья НЕТ ВРОЖДЕННЫХ ПРАКТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ

1. Нет нравственных принципов столь ясных и общепринятых, как вышеупомянутые умозрительные максимы. Если с теми умозрительными максимами, о которых мы рассуждали в предыдущей главе, фактически, как мы доказали, выражает согласие не все человечество, то гораздо более очевидно, что не являются общепринятыми и практические принципы. И я думаю, трудно привести в пример хотя бы одно нравственное правило, которое могло бы претендовать на такое общее и легкое согласие с ним, как положение <Что есть, то есть>, или быть столь очевидной истиной, как положение <Одна и та же вещь не может быть и не быть>. Отсюда очевидно, что практические принципы имеют еще меньше права называться врожденными, а сомнение в том, что эти нравственные принципы запечатлены в душе от природы, еще сильнее сомнения относительно врожденности умозрительных принципов. Это не значит, что их истинность вообще подвергается сомнению. Они в такой же мере суть истины, хотя и не настолько очевидны. Те умозрительные максимы носят свою очевидность в себе самих; принципы же нравственные для обнаружения достоверности своей истинности требуют работы ума. Они не лежат открытыми, подобно природным знакам, запечатленным в душе, которые (если б таковые были) непременно должны быть видны сами по себе, должны быть достоверны и всякому известны благодаря своему собственному свету. Но это нисколько не умаляет их истинности и достоверности, подобно тому как истинность и достоверность того, что три угла треугольника равны двум прямым, нисколько не уменьшаются от того, что это не столь очевидно, как положение, что <целое больше части>, и не способно вызвать согласие сейчас же, как только его услышат. Достаточно, если эти нравственные правила могут быть доказаны; так что если мы не достигаем их достоверного знания, то мы сами виноваты. Но незнание их многими людьми и медленность, с которой другие признают их, ясно доказывают, что они неврожденны и сами не попадают на глаза людям, если те их не ищут.

2. Верность и справедливость не всеми признаются за нравственные принципы. Существуют ли такие нравственные принципы, с которыми соглашаются все, – по этому вопросу я призываю в свидетели всех, кто хоть сколько-нибудь занимался историей человечества и видел дальше дыма своей трубы. Где та практическая истина, которая встречает всеобщее признание без какого-либо сомнения и колебаний, как это должно было бы быть, если бы она была врожденной? Справедливость и соблюдение договоров есть принцип, с которым, кажется, соглашается большинство людей. Считают, что он распространяется и на воровские притоны, и на сообщества величайших мошенников. И те, кто пал так низко, что потерял сам человеческий облик, соблюдают во взаимных отношениях верность и правила справедливости. Я допускаю, что даже бандиты во взаимных отношениях соблюдают эти принципы, но не потому, что признают их врожденными законами природы. Они следуют им по расчету, как правилам, удобным для поддержания какого-то порядка внутри своих сообществ. Но невозможно представить себе, чтобы принимал справедливость за практический принцип тот, кто поступает честно со своим товарищем по разбою и в то же время грабит или убивает первого встречающегося ему честного человека. Справедливость и правдивость суть повсеместные связи в обществе; следовательно, даже бандиты и грабители, порывающие со всем миром, должны во взаимных отношениях соблюдать верность и правила справедливости, иначе они не смогут держаться вместе. Но кто

решится утверждать, что у людей, живущих мошенничеством и грабежом, есть врожденные принципы правдивости и справедливости, которые они признают и с которыми согласны?

3. Ответ на возражение, что, хотя люди отрицают эти принципы в своей деятельности, они соглашаются с ними в своих мыслях. Быть может, возразят, [заявив,] что молчаливым согласием в глубине их души признается то, чему противоречит их деятельность. На это отвечу, что я, во-первых, всегда полагал, что действия людей – лучшие толкователи их мыслей. Но так как несомненно, что большинство людей своей деятельностью и некоторые люди своим открытым заявлением подвергают сомнению или совсем отрицают эти принципы, то установить всеобщее согласие невозможно (хотя мы должны принимать здесь во внимание только взрослых людей), без чего нельзя заключать, что эти принципы врожденны. Во-вторых, весьма странно и неразумно предполагать врожденные практические принципы, которые

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org приводят только к размышле- нию. Практические принципы, даваемые самой природой, существуют для того, чтобы их применяли, и должны порождать деятельность, соответствующую с ними, а не чисто умозрительное согласие с их истинностью; иначе тщетно будет пытаться отличить их от умозрительных максим. Я признаю, что природа вложила в человека стремление к счастью и отвращение к несчастью. Вот это действительно врожденные практические принципы, которые, как и надлежит практическим принципам, действуют постоянно и непрерывно влияют на всю нашу деятельность. Это можно неизменно и повсеместно наблюдать у всех людей, всех возрастов. Но они являются склонностями, вытекающими из стремления к добру, а не запечатлениями истины в разуме. Я не отрицаю, что существуют естественные склонности, запечатленные в человеческой душе, и что с самого же начала чувствования и восприятия одни вещи приятны людям, а другие неприятны ; одни вещи таковы, что к ним они склонны, а другие таковы, что их избегают. Но это нисколько не доказывает существования запечатленных в уме знаков, которые должны быть познавательными принципами, регулирующими нашу деятельность. Этим фактом не только не подтверждается существование в разуме прирожденных отпечатков, но это даже довод против них. Ибо, если бы в разуме существовали некоторые начертанные от природы знаки как познавательные принципы, мы непременно замечали бы, как они постоянно действуют

в нас и влияют на наше знание, подобно тому как склонности влияют на нашу волю и стремление, никогда не переставая быть постоянными движущими силами и мотивами всех наших действий, к которым они всегда с силой нас побуждают.

4. Нравственные правила нуждаются в доказательстве, следовательно, они неврожденны. Другая причина, возбуждавшая во мне сомнения в [существовании] каких-либо врожденных практических принципов, - та, что, на мой взгляд, не может быть предложено ни одно нравственное правило¹, для которого нельзя было бы с полным правом спрашивать основания, а это было бы совершенно смешным и нелепым, если считать их врожденными или даже только самоочевидными, ибо всякий врожденный принцип должен непременно быть таким и не нуждаться в каком-либо доказательстве для подтверждения своей истинности или в каком-либо основании для своего признания. Сочли бы лишенным здравого смысла человека, который, с одной стороны, стал бы спрашивать, почему одна и та же вещь не может сразу быть и не быть, а с другой - попытался бы дать этому обоснование. Это положение обладает своим собственным светом и очевидностью в себе самом и не нуждается в другом доказательстве; кто понимает входящие в это положение слова, соглашается с ним как таковым, в противном случае ничто никогда не заставит его сделать это. Но если бы самое непоколебимое нравственное правило и основу всякой общественной добродетели - «всякий должен поступать с другими так, как хочет, чтобы с ним поступали другие» - сообщили человеку, никогда его раньше не слыжавшему, но способному понять его смысл, то разве не нелепо не спрашивать, на каком основании это так, и разве сообщающий это правило не обязан доказать его истинность и разумность? Но именно это ясно показывает, что оно не является врожденным. Ибо, будь оно врожденным, оно не могло бы ни нуждаться в каком-либо доказательстве, ни получить его, но (по крайней мере сейчас же по сообщении и понимании) должно было бы быть непременно принято и признано за неоспоримую истину, в которой человек никак не может сомневаться. Так что истина всех этих нравственных правил явно зависит от чего-то другого, предшествующего им, и из чего они должны быть выведены. Но этого о не могло бы быть, если бы они были врожденными или хотя бы самоочевидными.

5. Соблюдение договоров как пример. Что человеку

нужно соблюдать свои договоры, это, конечно, великое и несомненное правило нравственности. Но если спросить, почему человек должен держать свое слово, у христианина, который ожидает счастья или несчастья в иной жизни, в качестве основания он скажет: «Потому что этого требует от нас бог, имеющий власть над вечной жизнью и смертью». Если же спросить у последователя Гоббса, он скажет: «Потому что общественное мнение требует этого и Левиафан 10 накажет тебя, если ты этого не сделаешь». А если бы можно было спросить какого-нибудь древнего языческого философа, он ответил бы: «Потому что поступать иначе нечестно, ниже достоинства человека и противно добродетели - высшему совершенству человеческой природы».

6. Добродетель по большей части одобряют не потому, что она врожденна, а потому, что полезна. Отсюда, естественно, вытекает большое разнообразие во взглядах на нравственные правила, которое можно найти между людьми соответственно различным

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org
взглядам на счастье, которого ожидают или имеют в виду. Этого не могло бы быть, будь практические принципы врожденны или запечатлены в нашей душе непосредственно божьей рукой. Я согласен, что бытие божье обнаруживается столь многими путями и что повиновение, которое мы обязаны ему оказывать, до такой степени соответствует свету разума, что большая часть человечества подтверждает закон природы. Но по моему, необходимо признать, что некоторые нравственные правила могут получать от человечества лишь самое общее одобрение, без знания или принятия истинной основы нравственности, а ею может быть только воля и закон божества, которое видит людей во мраке, раздает вознаграждения и наказания и имеет в своих руках достаточно мощи, чтобы призвать к ответу самого дерзкого нарушителя. Ибо поскольку бог неразрывными узами соединил вместе добродетель и общественное благоденствие, сделал упражнение в добродетели необходимым для сохранения общества и явно благотворным для всех, с кем добродетельный человек соприкасается, то не удивительно, что каждый не только признает, но и предлагает другим и превозносит перед ними те правила, соблюдение которых ими принесет верную выгоду ему самому. Он может как из интереса, так и из убеждения превозносить как священное то, что, будучи попраным и роруганным, лишит его самого безопасности. Хотя это нисколько не лишает правил явно присущей им нравственной и вечной обязательности, однако отсюда видно, что внешнее признание их людьми на словах не

доказывает, что они – врожденные принципы. Тем более это не доказывает того, что люди соглашались с ними в глубине души как с нерушимыми правилами собственной практики. Ибо мы находим, что личный интерес и выгоды этой жизни заставляют многих внешне исповедовать и одобрять эти правила; но действия людей достаточно показывают, что они обращают очень мало внимания на предписавшего эти правила законодателя и на ад, который он устроил для наказания нарушающих их.

7. Действия людей убеждают нас, что принцип добродетели не есть их внутренний принцип. Если мы не будем из вежливости преувеличивать искренность высказываний большинства людей, а будем считать их действия истолкователями их мыслей, то найдем, что люди вовсе не питают такого внутреннего благоговения к этим правилам и не так сильно убеждены в их несомненности и обязательности. Великий принцип нравственности – <поступать с другими так, как хочешь, чтобы другие поступали с тобой> – более восхваляется, чем соблюдается. Но нарушение этого правила является пороком не больше, чем внушение другим того, что оно не есть ни нравственное, ни обязательное правило. Это [нарушение] было бы безумием и противно интересу, которым люди жертвуют, когда они сами поступают вопреки этому [правилу]. Быть может, мне возразят, что совесть укоряет нас за такие нарушения и таким образом будут сохранены внутренняя обязательность и прочность этого правила.

8. Совесть не доказывает существования каких-либо врожденных нравственных правил. На вышесказанное я отвечаю, что я не сомневаюсь, что, хотя нравственные правила и не написаны в сердцах людей, многие люди все-таки могут приходиться к согласию с ними и к убеждению в их обязательности тем же самым путем, каким познают иные вещи. И другие люди могут приходиться к тому же самому убеждению под влиянием воспитания, среды, обычаев своей страны. Как бы ни было получено такое убеждение, оно приводит в действие нашу совесть, которая есть не что иное, как наше собственное мнение или суждение о нравственной правильности или порочности наших собственных действий. И если бы совесть доказывала врожденность принципов, то врожденными могли бы быть противные друг другу принципы, ибо одни люди стремятся к тому, чего другие, обладающие такой же совестью, избегают.

9. Примеры чудовищных преступлений, совершенных

без угрызений совести. Но я не понимаю, каким образом люди уверенно и спокойно могли бы нарушать эти нравственные правила, будь они врожденны и запечатлены в их душе. Посмотрите на войско, которое грабит захваченный им город; посмотрите, как соблюдает и сознает оно нравственные принципы или какие угрызения совести оно испытывает за все совершаемые жестокости. Грабежи, убийства, насилия – вот забавы людей, освобожденных от страха наказания или порицания. Разве нет целых народов и из числа наиболее образованных, которые бросали своих детей и оставляли их в поле гибнуть от недостатка пищи или от диких зверей, и разве не встречал этот обычай так же мало осуждения и беспокойства, как рождение детей? Разве в некоторых странах все еще не хоронят новорожденных в одних могилах с матерями, когда те умирают при родах? Разве не отправляют их на тот свет, если так называемый астролог скажет, что они родились под несчастной звездой? И разве

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org
в некоторых местах не убивают или не бросают на произвол судьбы своих родителей, достигших известного возраста, без каких-либо угрызений совести вообще? В одной части Азии безнадежных больных уносят и кладут на землю еще живыми и оставляют во власти бурь и непогоды погибать, без всякой помощи, и сострадания *. Жители Мингрелии, исповедующие христианскую веру, имеют обычай хоронить своих детей живыми и не испытывают при этом угрызения совести **. В некоторых местах едят своих собственных детей ***. Караибы имели обыкновение кастрировать своих сыновей, чтобы откормить их и съесть ****. А Гарсиласо де ла Вега рассказывает нам, что один народ в Перу имел обыкновение откармливать и поедать своих детей от пленниц, которых с этой целью делали своими наложницами; а когда матери не могли больше производить детей, то их самих также убивали и съедали *****. Добродетели, благодаря которым, по верованиям племени туупинамбо, попадают в рай, есть мстительность и пожирание возможно большего числа врагов. У них нет даже слова <бог>, они не имеют никаких представлений о божестве, никакой религии, никакого культа *****. Канони-

зированные святые у турок ведут жизнь, о которой неприлично рассказывать. Примечательно в этом отношении место из <Путешествия> Баумгартена 17, книги редкой; я приведу его целиком на языке, на котором она напечатана: Ibi (se. prope Belbes in Aegypto) vidimus sanctum unum Saracenicum inter arenarum cumulos, ita ut ex utero matris prodiit, nudum sedentem. Mos est, ut didicimus, Mahometistis, ut eos qui amentes et sine ratione sunt, pro sanctis colant et venerentur. Insuper et eos qui cum diu vitam egerint inquinatissimam, voluntariam demum poenitentiam et paupertatem, sanctitate venerandos d̄putant. Ejusmodi vero genus hominum libertatem quandam effraenem habent, domos quas volunt intrandi, edendi, bibendi, et quod majus est, concumbendi; ex quo concubitu si proles secuta fuerit, sancta similiter habetur. His ergo hominibus, dum vivunt, magnos exhibent honores; mortuis vero vel templa vel inonumenta extruunt amplissima, eosque contingere ac sepeire maximae fortunae ducunt loco. Audivimus haec dicta et dicenda per interpretem a Mucrello nostro. Insuper sanctum illum, quern eo loco vidimus, publicitus apprime commendari, cum esse hominem sanctum, divinum, ac integritate praecipuum; e quod, nee faeminarum unquam esset, nec puerorum, sed tantummodo asellarum concubitor atque mularum!
18

Более подробные сведения такого рода об этих странных турецких святых можно найти у Пьетро делла Балле в его письме от 25 января 1616 г. 19 Где же в таком случае врожденные принципы справедливости, благочестия, благодарности, честности, целомудрия? Где то всеобщее согласие, которое свидетельствует нам о существовании таких врожденных правил? Убийства на дуэли, которую обычай сделал делом чести, совершаются без малейшего угрызения совести; более того, необидчивость (innocence) в этом случае в некоторых местах считается величайшим позором. И если мы бросим взгляд на людей, каковы они есть, то увидим, что в одном месте одни испытывают угрызения совести из-за совершения или несовершения таких поступков, которые другие в другом месте считают достойными.

10. У людей имеются противоположные друг другу практические принципы. Кто внимательно займется историей человечества, посмотрит на различные человеческие племена и изучит беспристрастно их действия, будет в состоянии убедиться, что едва ли можно назвать нравственный принцип или придумать правило добродетели (за исключением только тех, которые безусловно необходимы для сохранения общества, хотя и ими обычно

пренебрегают в своих взаимных отношениях различные общества), которым так или иначе не пренебрегали бы и которое не осуждалось бы обычаем целых обществ, руководствующихся практическими взглядами и правилами жизни, совершенно противоположными взглядам и правилам других.

11. Целые народы отвергают некоторые нравственные правила. Здесь возразят, быть может, что нарушение нравственного правила не доказывает, что его не знают. Я согласен признать возражение основательным для трех случаев, когда люди хотя и нарушают закон, но не отрицают его, когда страх перед позором, порицанием или наказанием остается признаком некоторого почтения их к нему. Но невозможно представить, чтобы целый народ, все люди одного общества совершенно открыто отрицали и отвергали то, что каждый из них несомненно и безошибочно признал законом, ибо не так должны поступать те, у кого он запечатлен в душе от природы. Возможно, люди иногда могут признавать правила нравственности, в истинность

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org которых они в глубине души не верят, только для того, чтобы пользоваться уважением и почтением у людей, убежденных в их обязательности. Но нельзя представить себе, чтобы целое общество людей могло открыто и явно отрицать и отвергать правило, относительно которого они в своей душе совершенно уверены, что оно закон, и не знать, что все люди, с которыми им приходится соприкасаться, также признают его таковым и что поэтому каждый из них должен опасаться со стороны других того презрения и отвращения, которые следует питать к тем, кто признает себя лишенным человечности, и всякий путающий понятия истинного и ложного не может не считаться открытым врагом общественного мира и благоденствия. Какой бы практический принцип ни был врожденным, он не может не быть признан каждым человеком как справедливый и благой. Поэтому будет почти противоречием предположение, что целые народы и словами и действиями единодушно и безусловно отрекаются от того, что каждый в отдельности в силу неотразимой очевидности признал истинным, справедливым и благом. Этого достаточно, чтобы убедить нас в том, что нельзя считать врожденным ни одного практического правила, которое где-нибудь нарушается всеми с общественного одобрения и дозволения. Но я должен еще кое-что добавить в ответ на указанное возражение.

12. Нарушение правила, говорят, не доказывает, что

его не знают. Я согласен. Но нарушение его где-нибудь с общего дозволения доказывает, что оно неврожденно. Например, возьмем правила из числа тех, которые очень немногие люди имеют бесстыдство отрицать или неосмотрительно подвергать сомнению, так как они являются наиболее очевидными выводами человеческого разума и соответствуют естественным наклонностям подавляющей части человеческого рода. Если какое-нибудь правило может считаться запечатленным от природы, то мне кажется, ни одно не имеет большего права быть врожденным, чем следующее: <Родители, берегите и любите своих детей>. Когда, следовательно, вы говорите, что это правило врожденно, что вы этим хотите сказать? Или что оно есть врожденный принцип, который при всех случаях возбуждает и направляет действия всех людей, или что оно есть истина, которая запечатлена в душе всех и которую, следовательно, все знают и с которой все соглашаются. Но оно не врожденно ни в том, ни в другом смысле. Во-первых, что оно не есть принцип, управляющий всеми человеческими действиями, я доказал вышеприведенными примерами. Впрочем, нам не нужно отправляться в Мингрелию или Перу, чтобы найти примеры подобного пренебрежения, плохого обращения с собственными детьми, даже их умерщвления, и [не нужно] смотреть на это как только на бесчеловечность некоторых диких и варварских народов, если мы припомним, что у греков и римлян был распространен и не осуждался обычай бросать своих невинных младенцев без всякого сожаления и угрызения совести. Во-вторых, что это правило – известная всем людям врожденная истина, тоже неправда. Ибо правило: <Родители, берегите своих детей> – не только не врожденная истина, но даже вообще не истина. Это повеление, а не положение; следовательно, оно не может быть истинным или ложным. Чтобы сделать его способным получить признание в качестве истины, его нужно свести к какому-нибудь такому положению, как это: <Обязанность родителей – беречь своих детей>. Но что такое обязанность, нельзя понять без закона. А закона нельзя знать или предполагать без законодателя или без вознаграждения и наказания. Стало быть, нельзя приведенный или всякий другой практический принцип считать врожденным (т. е. запечатленным в душе в качестве обязанности), если не предполагать врожденными идеей бога, закона, обязанности, наказания и потусторонней жизни. Ибо само собою очевидно, что наказание не [всегда] следует за наруше-

нием этого правила в земной жизни и что, таким образом, это правило не имеет силы закона в странах, где общепризнанный обычай идет против него. Но все эти идеи не только неврожденны (какими они непременно были бы, если бы были врожденные обязанности), но даже не всякий образованный и мыслящий человек, не говоря уже о первом встречном, сознает их ясно и четко. И что та идея из их числа, которая более всех других кажется врожденной (я разумею идею бога), на самом деле неврожденна, это, думаю, станет совершенно ясно из следующей главы для каждого рассудительного человека.

13. Из сказанного выше, мне кажется, мы можем заключить с полной уверенностью, что нельзя признавать врожденными никакие практические правила, которые где-нибудь нарушаются всеми, не вызывая никаких возражений. Ибо невозможно, чтобы люди без страха и стыда, уверенно и спокойно нарушали правило, о котором они несомненно знают, что его установил бог, и за нарушение которого он, конечно, так накажет (они должны были бы об этом знать, если бы правило было

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org врожденным), что нарушение будет для виновного невыгодным делом. Без такого знания человек никогда не может быть уверен, что у него есть какая-либо обязанность. Незнание закона или сомнение в нем, надежда на то, что все удастся скрыть от законодателя и тем самым избежать его санкций, и тому подобное могут склонить людей поддаться сиюминутным желаниям. Но предположим, что кто-нибудь видит проступок и рядом с ним кару, прегрешение и огонь, готовый наказать за него, видит искушающее наслаждение и десницу всемогущего, явно воздетую и готовую свершить возмездие (ибо так должно случиться, если обязанность запечатлена в душе), и тогда скажите мне, возможно ли, чтобы люди при такой перспективе и таком достоверном знании без стеснения, без укоров совести попирали закон, который начертан в них неизгладимыми знаками и который стоит пред их глазами в время нарушения его? Могут ли люди, сознавая запечатленные в себе предписания всемогущего законодателя, самоуверенно и беспечно презирать и попирать ногами самые священные его повеления? И возможно ли, наконец, чтобы в то время, как кто-нибудь так открыто бросает вызов врожденному закону и верховному законодателю, все свидетели и даже правители и повелители народа, полные одних и тех же чувств к закону и законодателю, молчаливо потворствовали этому, не выказывая ни своего неудовольствия, ни малейшего порицания? В чело-

веческих стремлениях действительно заложены принципы деятельности; но они настолько далеки от врожденных нравственных принципов, что если бы дать им полный простор, они привели бы людей к уничтожению всякой нравственности. Нравственные законы являются уздой и сдерживающей силой необузданных желаний, они могут быть таковыми только при помощи наград и наказаний, перевешивающих удовольствие, которого ожидают от нарушения закона. Если, следовательно, что-нибудь запечатлено в душе всех людей как закон, то все люди должны знать определенно и неизбежно, что определенное и неизбежное наказание последует за его нарушением. Ведь если люди могут не знать или сомневаться в том, что врожденно, то не к чему настаивать на врожденных принципах и убеждать в их существовании; истинность и достоверность (о которых идет речь) вовсе не обеспечиваются ими, и люди остаются в том же самом неопределенном, неустойчивом положении, в каком были бы и без них. Очевидное, несомненное знание неизбежного наказания, достаточно сильного, чтобы безусловно предотвратить нарушение, должно сопутствовать врожденным законам, если только врожденные законы не предполагают также врожденного евангелия. Мне не хотелось бы, чтобы меня поняли в том смысле, что я признаю только положительные законы, так как отрицаю врожденные. Есть большая разница между врожденным законом и законом природы, между тем, что должно было бы быть запечатлено в нашем уме с самого начала, и тем, чего мы не знаем, но о чем можем приобрести знания при помощи упражнения и надлежащего применения наших природных способностей. И на мой взгляд, одинаково отступают от истины те, кто, впадая в противоположные крайности, или утверждает врожденные законы, или отрицает законы, познаваемые благодаря естественному свету, т. е. без помощи положительного откровения.

14. Отстаивающие врожденность практических принципов не говорят нам, каковы они. Различие в практических принципах людей так очевидно, что, мне кажется, нет больше нужды доказывать, что, руководствуясь признаком общего согласия, невозможно найти врожденное нравственное правило. Подозревать, что предположение таких врожденных принципов делается лишь по прихоти, приходится уже потому, что люди, которые так уверенно о них толкуют, столь скупаются на разъяснение нам того, каковы они. А мы имеем право ждать разъяснений от тех

людей, которые придают значение этому взгляду. И это дает нам повод сомневаться в знании или в любви к ближним со стороны тех, кто, заявляя, что бог запечатлел в человеческом уме основы знания и правила жизни, вместе с тем так мало способствуют обучению своих соседей или спокойствию людей, что не указывают им, каковы же именно эти основы и правила среди всех разнообразных принципов, приводящих человечество в растерянность. Впрочем, на самом-то деле они не имели бы нужды учить врожденным принципам, если бы только такие принципы существовали. Будь в душе людей запечатлены такие врожденные положения, они способны были бы легко отличать их от других истин, которые они впоследствии узнают и выводят из первых; а всего легче было бы знать, каковы эти врожденные принципы и сколько их. Тогда относительно их числа могло бы быть сомнения не больше, чем относительно числа наших пальцев, и каждая система охотно предлагала бы их нам, вероятно, дюжинами. Но так как никто из известных мне людей еще не пытался составить их перечень, то нельзя хулить тех, кто сомневается во врожденных принципах: ведь даже те, кто требуют от нас, чтобы мы верили в существование

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org таких врожденных положений, не говорят нам, каковы они. Легко предвидеть, что если различные люди различных школ начнут составлять для нас список таких врожденных практических принципов, то они запишут только такие принципы, которые соответствуют их различным гипотезам и подходят для поддержки учений их особых школ или церквей; этим подтверждается, что таких врожденных истин нет. Более того. Очень многие люди не только не находят в себе таких врожденных нравственных принципов, но, лишая людей свободы и превращая их тем самым в простые машины, отвергают не только врожденные, но и всякие нравственные правила и не оставляют возможности верить в них у тех, кто никак не постигнет, каким образом может иметь дело с законом то, что не является свободным в своем действии. Исходя из этого основания, необходимо должны отвергнуть все принципы добродетели те, кто не умеет сочетать нравственность и механицизм. А их примирить или согласовать не очень легко.

15. Рассмотрение врожденных принципов лорда Герберта. Уже после того, как я написал это, мне сообщили, что лорд Герберт в своей книге <De Veritate> говорит об этих врожденных принципах, и я поспешил обратиться к нему в надежде найти у такого талантливом человека

что-нибудь способное удовлетворить меня в этом вопросе и положить конец моему исследованию. В главе <De Instinctu naturali> 21 (с. 76, изд. 1656 г.) я нашел следующие шесть признаков *ego notitiae Communes*: 1. *Prioritas*. 2. *Independentia*. 3. *Universalitas*. 4. *Certitudo*. 5. *Necessitas*, т. е., как он объясняет, *faciunt hominis conservationem*. 6. *Modus conformationis*, т. е. *Assensus nulli interposita mora*²². И в самом конце своего небольшого исследования <De Religione Laici> он говорит следующее о врожденных принципах: *Adeo ut non uniuscujusvis Religionis confini arcentur quae ubique vigent veritates. Sunt enim in ipsa mente coelitus descriptae nullisque traditionibus, sive scriptis, sive non scriptis, obnoxiae* (p. 3). И *Veritates nostrae Catholicae, quae tanquam indubia Dei effata in foro interiori descripta* 23. Определив таким образом признаки врожденных принципов, или общих (*common*) понятий, и заявив, что они запечатлены в человеческой душе божьей рукой, он далее перечисляет их. Они следующие: 1. *Esse aliquod supremum numen*. 2. *Numen illud coli debere*. 3. *Virtutem cum pietate conjunctam optimam esse rationem cultus divini*. 4. *Resipiscendum esse a peccatis*. 5. *Dari praemium vel poenam post hanc vitam transactam* 24.

Хотя, признаюсь, все эти истины ясны и при надлежащем разъяснении их с ними едва ли может не согласиться разумное существо, все-таки, думается мне, он вовсе не доказал, что они суть врожденные отпечатки *in Foro interiori descriptae* 25, ибо я должен заметить:

16. Во-первых, приведенные пять положений суть или не все, или больше, чем все, общие понятия, начертанные в нашей душе божьей рукой, если вообще разумно верить в то, что они начертаны так, ибо существуют другие положения, которые, даже по правилам самого автора, имеют столько же права претендовать на такое же происхождение и столько же основания считаться врожденными принципами, как и по крайней мере некоторые из перечисленных им пяти, например <Поступай с другими так, как хочешь, чтобы другие поступали с тобой> и, быть может, сотни других, если хорошенько подумать.

17. Во-вторых, все указанные признаки нельзя найти в каждом из пяти его положений. Так, первый, второй и третий признаки не вполне согласуются ни с одним из них; первый, второй, третий, четвертый и шестой признаки плохо согласуются с его третьим, четвертым и пятым положениями. Ибо, кроме того, что история свидетельствует нам о том, что многие люди, даже целые народы,

сомневаются в некоторых или во всех этих положениях или не верят в них, я не могу понять, как третье положение – <Добродетель вместе с благочестием – лучшее почитание бога> – может быть врожденным принципом, когда название, или звук, <добродетель> так трудно понять, когда значение его столь неопределенно, а само обозначаемое им явление столь спорно и трудно для познания. Стало быть, оно может быть лишь очень неопределенным правилом человеческой деятельности, оказывать лишь очень незначительное влияние на наше жизненное поведение и, значит, совершенно не подходит на роль врожденного практического принципа.

18. В самом деле, рассмотрим смысл положения (ибо смысл, а не звук является и должен являться принципом, или общим понятием) <Добродетель есть лучшее почитание бога>, т. е. наиболее угодное ему. Если под добродетелью понимать, что

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org
обыкновенно и делают, все действия, которые, согласно различным взглядам разных стран, считаются похвальными, то это положение будет не только неопределенным, но и неверным. Если под добродетелью понимать действия, сообразные с божьей волей или с правилом, предписанным богом, что составляет единственный истинный критерий добродетели (причем <добродетель> употребляется для обозначения того, что по своей природе есть правда и добро), то положение <Добродетель есть лучшее почитание бога> станет в высшей степени истинным и достоверным, но имеющим весьма мало пользы в человеческой жизни, ибо оно будет означать только то, что <бог доволен соблюдением своих велений>. Люди могут, конечно, признать истинность этого положения, не зная, в чем состоят веления бога, и будут так же далеки от какого бы то ни было правила, или принципа своих действий, как были раньше. И я думаю, очень немногие признают положение, означающее только то, что <бог доволен соблюдением своих велений>, за врожденный нравственный принцип, запечатленный в душе людей (как бы ни было оно истинно и достоверно), ибо оно учит очень немногому. А у всякого признавшего это будет основание считать сотни положений врожденными принципами, так как столько же права быть принятыми за врожденные имеют многие положения, которые еще никто никогда не причислял к врожденным принципам.

19. И четвертое положение (<Люди должны раскаиваться в своих грехах>) надо считать не более поучительным, пока не будет объяснено, какие именно действия

разумеются под грехами. Ведь если слово <peccata>, или <грехи>, обычно означает вообще дурные действия, навлекающие наказания на совершающего, то что это за великий нравственный принцип, который говорит нам, чтобы мы раскаивались и не делали того, что принесет нам зло, не зная, какие именно действия приведут к таким последствиям. Это действительно очень правильное положение, пригодное быть внушенным и воспринятым людьми, уже предположительно научившимися тому, какие действия представляют собой грех. Но ни его, ни предыдущее положение нельзя считать врожденными или сколько-нибудь полезными (если бы они были врожденными) принципами, если в человеческой душе также не запечатлены и не являются врожденными принципами особые мерилы и границы всех добродетелей и пороков, что, на мой взгляд, весьма сомнительно. И поэтому, я думаю, едва ли представляется возможным, чтобы бог запечатлел в человеческой душе принципы в словах с неопределенным смыслом, таких, как <добродетели> и <грехи>, которые у разных людей обозначают разные вещи. Более того, нельзя предположить, чтобы они вообще были запечатлены в форме слов, ибо слова в большинстве этих принципов суть очень общие названия и понять их можно только тогда, когда известны понимаемые под ними частные явления. А в практических случаях мерилы должны быть взяты из знания о самих действиях, а правила должны быть абстрагированы от слов и предшествовать знанию названий. Человек должен знать эти правила, какой бы ему ни пришлось изучать язык, английский или японский, или даже если бы он не научился говорить ни на одном языке, или вовсе не знал употребления слов, как это бывает с глухонемыми. Когда будет доказано, что люди, не знающие слов или не сведущие в законах и обычаях своей страны, знают, что к почитанию бога относится: не убивать другого, не познать более одной женщины, не делать выкидышей, не бросать своих детей, не брать принадлежащее другому, хотя бы оно было нужно нам, а, напротив, помогать этому другому в трудном положении; а когда мы совершаем что-нибудь противное всему этому, то должны раскаяться, выразить сожаление и решить больше не делать этого; - когда говорю я, будет доказано, что все люди действительно знают и признают все эти и тысячи других подобных правил, которые подпадают под употребленные два общих термина - virtutes et peccata, добродетели и грехи, тогда будет больше основания

признавать эти и подобные им положения общими понятиями и практическими принципами. Но в конце концов даже и всеобщее согласие (если бы его получили нравственные принципы) с истинами, знание которых можно достигнуть иным путем, едва ли доказывает их врожденность. А это все, что я утверждаю.

20. Ответ на возражение: <Врожденные принципы могут быть извращены>. Большого значения не будет иметь и всегда оказывающееся под рукой, но не очень существенное возражение, что врожденные принципы нравственности могут быть заглушены воспитанием и обычаем или общими взглядами среды и в конце концов совершенно вытеснены из человеческой души. Ведь это утверждение, если оно истинно, совершенно подрывает довод, опирающийся на всеобщее согласие, которым старались доказать существование врожденных принципов, если только приверженцы этого взгляда не находят разумным, чтобы их личные убеждения или убеждения их сторонников принимались за всеобщее согласие - явление, часто наблюдаемое, когда

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org
люди считают себя единственными обладателями истинного разума и отвергают взгляды и убеждения остальной части человечества как не заслуживающие внимания. И тогда их довод принимает такой вид: <Принципы, признаваемые всеми людьми за истинные, суть врожденные; принципы, признаваемые людьми здравомыслящими, суть принципы, признаваемые всеми людьми; мы и наши единомышленники – люди здравомыслящие; следовательно, так как мы сходимся во мнениях, то наши принципы врожденны>, что, конечно, есть милый способ доказательства и кратчайший путь к непогрешимости. Ибо иначе весьма трудно понять, каким образом существуют принципы, признаваемые и одобренные всеми людьми, и в то же время среди них нет ни одного, который порочные обычаи и дурное воспитание не вытеснили бы из души многих людей; это значит сказать, что все люди признают их, но что все-таки многие отрицают и не признают их. Но, право, предположение о таких первых принципах принесет нам очень мало пользы и оставит нас в таком же затруднении, в каком мы были и без них, если они могут быть изменены или потеряны нами под влиянием человеческой силы, например воли наших учителей или взглядов наших товарищей. Несмотря на все это восхваление первых принципов и врожденного света, мы останемся в такой же темноте и неопределенности, как если бы их вовсе не было, ибо иметь правило, которое

можно как угодно извратить, или не знать, какое из разных и противоположных друг другу правил является истинным, все равно что не иметь никаких правил. А что касается врожденных принципов, желал бы я услышать от их сторонников, могут ли или не могут эти принципы быть искажены и зачеркнуты воспитанием и обычаями? Если не могут, мы должны находить их одинаковыми во всем человечестве и они должны быть ясно выражены в каждом; а если они могут изменяться под влиянием приводящих понятий, то яснее и заметнее всего они должны быть у тех, кто ближе к источнику, – у детей и необразованных людей, которые менее всего подвергаются воздействию чужих мнений. Пусть сторонники врожденных принципов выбирают какое угодно предположение; они несомненно увидят, что оно противоречит ясным фактам и повседневному наблюдению.

21. Существование в мире противоположных друг другу принципов.
Я легко допускаю, что существует большое число мнений, которые принимаются и усваиваются как первые и неоспоримые принципы людьми различных стран, воспитаний и характеров; многие из них не могут быть истинными как из-за их нелепости, так и из-за взаимной противоположности. Тем не менее все эти положения, как бы неразумны они ни были, считаются в разных местах столь священными, что даже здравомыслящие в других отношениях люди скорее расстанутся с жизнью и всем самым дорогим для себя, чем позволят себе и другим усомниться в их истинности.

22. Как люди обычно приходят к своим принципам. Как ни странно, но все это подтверждается повседневным опытом и, возможно, не будет казаться столь удивительным, если мы обратим внимание на то, какими путями и средствами это происходит и каким действительно образом может случиться, что учения, источником которых является всего только суеверие няньки или авторитет старухи, могут с течением времени, при согласии окружающих, вырасти в принципы религии или нравственности. Ибо тот, кто заботится (так обыкновенно говорят) о том, чтобы научить детей хорошим принципам (а редко у кого не бывает целого ряда таких принципов, в которые они верят), внушает доверчивому и непредубежденному разуму (ибо белая бумага принимает какие угодно буквы) те доктрины, которые, по его мнению, дети должны сохранять и исповедовать. Поскольку обучение этим [принципам] начинает-

ся, как только дети становятся способными воспринимать их, и во все время своего развития утверждают в них благодаря открытому признанию или молчаливому согласию с ними всех тех, с кем они имеют дело, или по крайней мере тех, о мудрости, познании и благочестии которых они высокого мнения и которые никогда не позволяют говорить об этих положениях иначе как об опоре и основе, на которой строятся их религия или нравы, то отсюда и выходит, что такие положения приобретают славу неоспоримых, самоочевидных и врожденных истин.

23. К этому мы можем прибавить, что когда обученные таким образом люди повзрослели и размышляют о своей собственной душе, то не могут найти в ней ничего более давнего, чем те мнения, которым их научили прежде, чем их память начала запечатлевать их действия или отмечать время, когда перед ними являлось что-нибудь новое. Вследствие этого они заключают без всякого колебания, что те положения, источника которых они не знают, несомненно, запечатлены в их уме богом и природой и никто другой их не учил им. Они их принимают и подчиняются им

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org
с почтением, точно так же как многие это делают по отношению к своим родителям не потому, что это естественно (дети этого не делают, когда их этому не учат), а потому, что они были так воспитаны и, не помня начала этого почтения, считают его естественным.

24. Это явление покажется весьма вероятным и почти неизбежным, если мы обратим внимание на человеческую природу и устройство человеческих дел. Большинство людей не может жить, не проводя время в ежедневной работе на избранном ими поприще, или жить со спокойной душой, не имея некоторых оснований, или принципов, на которые могли бы опираться их мысли. Едва ли найдутся люди столь неустойчивые и поверхностные в своем мышлении, которые не имели бы почитаемых положений, являющихся для них принципами, на которых они основывают все свои рассуждения и по которым судят об истине и лжи, о справедливости и несправедливости. Но так как одним недостает способностей и досуга, другим - охоты исследовать эти положения, а третьих учили тому, что делать этого нельзя, то можно найти лишь немногих, которые по своему невежеству, лени, воспитанию или опрометчивости не были бы вынуждены принимать их на веру.

25. Так, очевидно, обстоит дело со всеми детьми и

молодыми людьми. И так как обычай, имея большую власть, чем природа, почти всегда заставляет людей признать божественным то, чему он приучил их душу поклоняться, а их разум подчиняться, то не удивительно, что взрослые, озабоченные неизбежным житейским трудом или поглощенные поисками удовольствий, не могут серьезно приняться исследовать свои собственные правила, тем более что один из их принципов состоит в том, что принципы нельзя ставить под сомнение. Да и будь у людей досуг, способности и охота, кто отважится поколебать основания чуть ли не всех своих прежних мыслей и действий и навлечь на себя позор признанием того, что столь долго находился в полном заблуждении? У кого найдется достаточно мужества пойти навстречу порицанию, везде готовому для тех, кто дерзает не соглашаться с принятыми мнениями своей страны или сословия? И где найдется человек, который терпеливо смирится с именем чудака, скептика или атеиста, которое, конечно, дадут любому хоть сколько-нибудь сомневающемуся в обычных воззрениях? И еще более будет бояться брать под сомнение эти принципы тот, кто вместе с большинством людей полагает, что это образцы, запечатленные в его душе богом, дабы быть правилом и пробным камнем для всех других мнений. И что мешало ему считать их священными, если он находит, что они самые ранние его мысли и наиболее уважаемые другими?

26. Легко представить себе, как вследствие этого получается, что люди чтут воздвигнутых в своей душе идолов, уважают свои давно приобретенные понятия, кладут печать божественности на нелепости и заблуждения, становятся ревностными почитателями быков и обезьян, спорят, сражаются и умирают в защиту своих убеждений. *Dum solos credit habendos esse Deos, quod ipse colit*^{2e}. Ведь познавательные способности ума, применяемые почти постоянно (хотя не всегда осмотрительно и мудро), не могли бы быть приведены в действие при недостатке основания (*foundation and footing*) у большинства людей, которые из-за лени и рассеянности не вникают или от недостатка времени, надежной помощи, а то и по другим причинам, не могут вникнуть в принципы знания и проследить истину до ее источника и начала. Поэтому люди естественно и почти неизбежно довольствуются несколькими заимствованными принципами, которые приняты за очевидные доказательства других вещей и считаются таковыми, и поэтому сами не нуждаются ни в каком доказатель-

стве. Кто раз воспримет их в свою душу и будет питать к ним обычно оказываемое принципам благоволение, никогда не решаясь исследовать их, но приучаясь верить в них потому, что в них нужно верить, может под влиянием своего воспитания и обычаев своей страны принять любую нелепость за врожденный принцип и долгим рассматриванием одних и тех же объектов настолько затуманить свой взор, что примет химеры, возникшие в его собственном мозгу, за образы божества и дело его рук.

27. Принципы должны быть исследуемы. Сколько людей приходят именно этим [рассмотренным выше] путем к принципам, которые они считают врожденными, легко усмотреть из множества разных противоположных принципов, которых придерживаются и которые отстаивают люди всякого рода и звания. А тот, кто отрицает, что это путь, которым большинство людей приходит к уверенности в истине и очевидности своих принципов, едва ли найдет другой путь для объяснения [существования]

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org
противоположных друг другу убеждений, в которые твердо верят и самонадеянно утверждают и которые масса людей готова в любое время скрепить своей кровью. И если действительно преимуществом врожденных принципов является признание их на основании их собственного авторитета, без исследования, то я не знаю, во что нельзя верить или в чьих принципах можно сомневаться. Если их можно и должно исследовать и проверять, то я желал бы знать, каким образом можно проверить первые и врожденные принципы; по крайней мере разумно спросить, каковы те признаки и черты, по которым действительные врожденные принципы можно отличить от других, чтобы среди большого разнообразия претендентов быть застрахованным от заблуждений в таком важном пункте. Когда это будет сделано, я охотно признаю такие приятные и полезные положения, а покамест имею право скромно сомневаться, так как опасаясь, что всеобщее согласие (а ссылаются только на него) едва ли будет достаточным признаком для руководства моим выбором и едва ли уверит меня во врожденности каких-нибудь принципов. Из сказанного, мне кажется, несомненно следует, что нет общепризнанных и, следовательно, никаких врожденных практических принципов.

Глава четвертая ДАЛЬНЕЙШИЕ СООБРАЖЕНИЯ О ВРОЖДЕННЫХ ПРИНЦИПАХ КАК УМОЗРИТЕЛЬНЫХ, ТАК И ПРАКТИЧЕСКИХ

1. Принципы неврожденны, если неврожденны их идеи. Если бы желающие убедить нас в существовании врожденных принципов не брали их огулом, а рассматривали в отдельности части, входящие в состав этих положений, быть может, у них не хватило бы дерзости верить в их врожденность. Ведь если идеи, составляющие эти истины, неврожденны, то невозможно, чтобы составленные из них положения были врожденны или наше знание их родилось вместе с нами. Ибо если идеи не врождены, то было время, когда в душе этих принципов не было, и, стало быть, они неврожденны, а произошли от какого-то другого источника, ибо, где нет самих идей, там о них не может быть ни знания, ни согласия, ни мысленных или словесных положений.

2. Идеи, в особенности относящиеся к принципам, не рождаются вместе с детьми. Если мы будем внимательно наблюдать новорожденных, у нас будет мало оснований думать, что они приносят с собой на свет много идей. Ибо, за исключением, быть может, неясных идей голода, жажды, тепла и некоторых болей, которые они испытывали в чреве матери, у них нет ни малейшего проявления каких-либо определенных идей, в особенности идей, соответствующих словам, составляющим те общие положения, которые принимаются за врожденные принципы. Можно заметить, как впоследствии они постепенно проникают в их душу, причем приобретает только то, что доставляет им опыт и созерцание встречающихся им вещей, и ничего больше. Уже этого одного было бы достаточно, чтобы убедить нас, что они не являются запечатленными в душе первоначальными знаками.

3. Если существуют врожденные принципы, то, конечно, положение <Невозможно, чтобы одна и та же вещь была и не была> принадлежит к их числу. Но может ли кто предположить или сказать, что невозможность и тождественность – это две врожденные идеи? Имеет ли их все человечество и приносит ли с собой на свет? Являются ли они первыми идеями у детей и предшествуют ли всем приобретенным? Если они врожденны, то непременно должны быть такими. Разве ребенок имеет уже идеи невозможности и тождественности до того, как получит

идеи белого или черного, сладкого или горького? Разве благодаря знанию этого принципа заключает он, что сосок, натертый полынью, имеет не тот вкус, к которому он привык? Разве действительное знание положения *impossibile est idem esse et non esse* 27 дает ребенку возможность отличать свою мать от чужого или любить первую и бежать от другого? Разве душа регулирует себя и свое согласие идеями, которых у нее никогда и не было? Или разве разум делает выводы из принципов, которых никогда и не знал или не понимал? Слова <невозможность> и <тождественность> обозначают идеи, столь далекие от того, чтобы быть врожденными или появляться на свет вместе с нами, что, на мой взгляд, требуется много заботы и внимания, чтобы правильно образовать их в нашем разуме. Они так далеки от мышления младенцев и детей, что, я уверен, их не окажется и у многих взрослых людей, если проверить.

4. Идея тождественности неврожденна. Если идея тождественности (ограничиваясь этим примером) запечатлена от природы и, следовательно, так ясна и очевидна для нас, что мы непременно должны знать ее уже с колыбели, то я бы хотел получить ответ от человека семи или семидесяти лет, остается ли человек – существо,

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org
состоящее из души и тела, – тем же самым человеком после изменения тела; были ли Эвфорб и Пифагор, имевшие одну душу, одним и тем же человеком, хотя их разделяло несколько столетий; и, кроме того, не был ли одно с ними также петух, имевший одну с ними душу? 28 Из этого, быть может, явствует, что наша идея одинаковости вовсе не так определена и ясна, чтобы можно было считать ее врожденной в нас. Ведь если эти врожденные идеи не так ясны и определены, чтобы быть общеизвестными и естественным образом признанными, то они не могут быть основаниями всеобщих и несомненных истин, а, наоборот, будут постоянным поводом к вечным сомнениям. Мне кажется, идея тождественности, которую каждый имеет, не похожа на ту, которую имел Пифагор и тысячи его последователей. Так которая же здесь истинная и врожденная, или есть две различные идеи тождественности и обе врожденные?

5. И пусть никто не думает, что поставленные мною вопросы относительно тождественности человека только пустые, бесплодные спекуляции. Если бы они и были такими, то тождественности. Кто сколько-нибудь внимательно подумает о воскресении и примет в соображение, что божественный судья в день страшного суда призовет и определит блаженство или муку в другой жизни именно тем самым людям, которые хорошо или дурно прожили эту жизнь, тот, вероятно, обнаружит, что ему нелегко решить для себя вопрос, что делает человека одним и тем же, или в чем состоит тождественность; и он не дерзнет подумать, что и он, и все другие, даже сами дети, имеют от природы ясную ее идею.

6. Идея целого и части неврожденна. Рассмотрим математический принцип – <целое больше части>. Он, насколько мне известно, причисляется к врожденным принципам, на что, верно, имеет столько же права, сколь и всякий другой. Однако никто не может считать его таким, когда примет во внимание, что содержащиеся в нем идеи целого и части совершенно относительно. Положительные идеи, к которым они собственно и непосредственно принадлежат, суть протяженность и число; целое и часть являются только отношениями последних. Так что если целое и часть – врожденные идеи, такими же должны быть также протяженность и число, ибо невозможно иметь идею отношения, вовсе не имея идеи вещи, которой оно принадлежит и на которой основано. Но рассмотрение вопроса о том, запечатлены ли от природы в человеческой душе идеи протяженности и числа, я предоставляю защитникам врожденных принципов.

7. Идея богопочитания неврожденна. Что <бог должен быть почитаем>, есть, без сомнения, такая великая истина, какая только может быть принята человеческой душой, и заслуживает первого места среди всех практических принципов; но все же она никоим образом не может считаться врожденной, если неврожденные идеи бога и почитания. Что идеи, обозначаемой словом <почитание>, нет в детском разуме и она не запечатлена в душе с самого начала, я полагаю, без труда признает всякий, кто подумает, сколь немногие взрослые люди имеют ясное и четкое понятие об этом. И мне кажется, нелепее всего утверждать, что этот практический принцип – <Бог должен быть почитаем> – является врожденным у детей, тогда как они не знают, в чем состоит это богопочитание, являющееся их обязанностью. Но перехожу к следующему.

8. Идея бога неврожденна. Если какую-нибудь идею можно представить себе врожденной, то идея бога более всего, по многим причинам, может считаться такой. Ибо

трудно понять, как могут быть врожденными нравственные принципы без врожденной идеи божества: без понятия о законодателе нельзя иметь понятия о законе и об обязательности его соблюдения. Но, не говоря об отмеченных в древности атеистах, заклеянных в летописях истории, разве не открыло мореплавание в последние столетия целые народы по Солданийскому заливу 29*, в Бразилии **, Борандее ***, на Карибских островах, у которых нельзя было найти ни понятий о боге, ни религии. Nicolaus del Techo in literis, ex Paraquaria de Caaignarum conversione, говорит следующее: <Reperi eam gentem nullum nomen habere, quod Deum, et hominis animam significet, nulla sacra habet, nulla idola 33****. Вот примеры народов, неразвита природа которых была предоставлена самой себе, лишена помощи письма и образования, благотворного воздействия искусств и наук. Но можно указать и народы, которые вкусили все это в полной мере, но не имеют идеи бога и знания о нем, поскольку не направили должным образом своих мыслей. Я не сомневаюсь, что других не менее меня поразит принадлежность к числу этих народов жителей Сиам; по этому вопросу пусть они обратятся к недавно находившемуся там

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org
послу французского короля ***** , который сообщает не лучшие сведения и о самих
китайцах ***** . и если мы не поверим Ла Луберу, то бывшие в Китае миссионеры,
сами иезуиты, которые очень хвалят китайцев, все до одного единодушны и убеждают
нас в том, что сословие <ученых>, или Litterati, придерживающееся китайской
религии, и правящие круги там все поголовно атеисты (смотри Наваретта в
<Собрании путешествий>, том I, и Historia cultus Sinensium 37). Если мы
рассмотрим внимательно жизнь и образ мыслей не столь отдаленных народов, у нас,
быть может, будет слишком много оснований опасаться, что в более цивилизованных
странах многие не имеют в своей душе четкого и ясного представления о божестве и
что раздающиеся с кафедр жалобы на атеизм не безосновательны. И хотя только
некоторые отъявленные негодяи нагло признаются в своей неверии, но, не заставляя
страх перед мечом

власть имущих или порицаниями соседей держать язык за зубами, будь устранена
боязнь наказания или позора, быть может, еще больше народа, чем мы это видим
теперь, так же открыто признали бы свой атеизм, как они ему следуют в жизни.

9. Но если бы даже все человечество повсюду имело понятие о боге (хотя история
говорит нам о противном), из этого не следовало бы, что идея его врожденна. Ибо,
если бы даже нельзя было найти народа, который не знал бы] имени бога и не имел
скудных, смутных представлений о нем, это так же мало доказывало бы природную
запечатленность в душе этих представлений, как всеобщее принятие и знание людьми
названий <огонь>, <солнце>, <жар>, <число> и их идей доказывает врожденность
идей, этими словами обозначаемыми. С другой стороны, отсутствие такого имени или
отсутствие в человеческой душе такого понятия так же мало является доводом
против бытия божия, как мало может служить доказательством того, что в мире нет
магнита, то обстоятельство, что большая часть человечества не имеет ни понятия о
подобной вещи, ни имени для нее, или как мало может служить видимостью довода
для доказательства того, что нет определенных и различных чинов ангелов или выше
нас стоящих разумных существ, то обстоятельство, что мы не имеем идей таких
определенных чинов или имен для них. Ведь люди получают запас слов от общего
языка своей страны и просто не могут не приобрести какие-то идеи тех вещей,
названия которых имеют случай часто слышать от тех, с кем общаются. И если идея
несет с собой представления о превосходстве, величии или о чем-нибудь
необыкновенном, если ей сопутствуют опасения и беспокойство, если страх перед
абсолютной и непреодолимой силой запечатлевает ее в душе, она проникает все
глубже и распространяется все дальше, особенно если она в такой степени, как
идея бога, согласна со всеобщим светом разума и естественным образом поддается
выводу из любой области нашего знания . Во всех делах творения так ясно видны
признаки необычайной мудрости и силы, что всякое разумное существо, которое
серьезно подумает о них, не может не открыть бога. А влияние, которое необходимо
должно иметь открытие такого божества на душу всех хоть раз слышавших о нем,
столь велико и несет с собой такое развитие мышления и общения, что, если бы
можно было найти где-нибудь целый народ столь грубый, что даже понятия о боге у
него не было бы,

это показалось бы мне более удивительным, чем если бы он не имел понятия о
числе или огне.

10. Раз имя бога упомянуто где-нибудь в мире для обозначения верховного,
могущественного, мудрого, невидимого существа, соответствие такого понятия с
принципами здравого смысла и постоянная заинтересованность людей в том, чтобы
часто упоминать это имя, необходимо должны широко и далеко распространять его и
передавать всем последующим поколениям. Но всеобщее признание этого имени и
некоторые несовершенные и неопределенные понятия, переданные затем немудрой
части человечества, доказывают не врожденность этой идеи, а только то, что тот,
кто открыл ее, правильно пользовался своим разумом, зрело мыслил о причинах
вещей и дошел до их источника и что менее сообразительные люди, раз восприняв
такое важное понятие, не могут легко потерять его снова.

11. Вот все, что может быть выведено из понятия о боге, если бы его можно было
найти во всех человеческих племенах и если бы оно во всех странах было признано
всеми взрослыми людьми. Ибо общепризнанность бога, кажется мне, простирается не
далее этого. Того, что достаточно для доказательства врожденности идеи бога,
достаточно и для доказательства врожденности идеи огня; мне кажется, можно
сказать с уверенностью, что нет человека на свете, который бы, имея понятие о
боге, не имел вместе с тем идеи огня. Я не сомневаюсь, что, если бы поместили
колонию детей на острове, где нет огня, они, конечно, не имели бы ни понятия об

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org
огне, ни имени для него, как бы ни был он принят и известен во всем остальном мире. Но точно так же далеко было бы, вероятно, их понимание от имени или представления о боге до тех пор, пока кто-нибудь из них не направил бы своего мышления на исследование устройства и причины вещей, что легко привело бы его к понятию о боге. А раз он научил бы ему других, сила рассуждения и естественная склонность их собственного мышления впоследствии распространили и закрепили бы [это понятие] среди них.

12. Ответ на возражение: <Так как бог добр, а все люди должны иметь идею бога, она запечатлена богом от природы>. Действительно, утверждают, что так как бог добр, то он должен был запечатлеть в душах (minds) людей знаки и понятия о себе, а не оставлять людей во мраке и сомнении относительно столь важного вопроса; таким образом он также обеспечил бы себе то почтение и благоговение,

которое должно испытывать к нему столь разумное существо, как человек, и что, следовательно, бог так и поступил.

Если этот довод имеет какую-нибудь силу, он доказывает гораздо больше того, что в данном случае от него ожидают те, кто его приводит. Ибо если мы можем заключать, что бог сделал для людей все, что люди считают для себя наилучшим, потому что это соответствует его доброте, то это доказывает не только то, что бог запечатлел в человеческой душе идею о себе, но и то, что он вообще запечатлел там ясными знаками все, что люди должны знать и думать о нем и что они должны делать, повинаясь его воле, и что он дал людям соответствующую этому волю и склонности. Без сомнения, каждый будет считать, что для людей лучше это, чем если бы они шли к знанию ошупью во мраке, так, как, по словам св. Павла, все народы шли к богу (Деяния XVII 27), и чем если бы их воля сталкивалась с их разумом и их склонности мешали их обязанностям. Католики говорят, что для людей всего лучше и, следовательно, соответствует доброте бога, чтобы был на земле непогрешимый судья в спорных вопросах, и поэтому такой судья есть. Я с своей стороны на том же самом основании утверждаю, что лучше для людей, чтобы каждый сам был непогрешим, и предоставляю моим противникам решать вопрос, могут ли они силою этого довода признать каждого человека таковым. Я считаю очень хорошим доводом утверждение: <Бесконечная мудрость божия сделала так, и, следовательно, это самое лучшее>. Но мне кажется, нужно быть слишком уверенным в своей собственной мудрости, чтобы говорить: <Я считаю это самым лучшим, и, следовательно, бог сделал это так>. И при рассмотрении нашего вопроса бесполезно доказывать при помощи подобного довода, что бог сделал так, когда опыт определенно показывает, что он так не сделал. Но и без первоначальных впечатлений знания или запечатленных в душе идей люди не могут пожаловаться на доброту божью. Ибо бог наделил людей способностями, достаточными для того, чтобы открыть все нужное для целей такого существа. И я не сомневаюсь в возможности показать, что при надлежащем применении своих природных способностей человек без всяких врожденных принципов может достигать познания бога и других важных для себя вещей. Наделив человека такими познавательными способностями, бог так же мало был своей добротой обязан запечатлеть в его душе врожденные понятия, как и

построить ему мосты или дома, когда он дал ему рассудок, руки и материал. Одни народы на свете, хотя и очень способные, или совсем не имеют мостов и домов, или плохо обеспечены ими, а другие совсем не имеют идей о боге и принципов нравственности, а если и имеют, то плохие. В обоих случаях причина заключается в том, что они никогда не развивали разумно своих способностей, дарований и сил в этом направлении, но довольствовались взглядами, обычаями и вещами своей страны в том виде, как нашли их, не обращая своих взоров вперед. Если бы мы с вами родились у Солданийского залива, наши взгляды и понятия, возможно, не стояли бы выше грубых воззрений живущих там готтентотов. А получи король Виргинии Апочанкана воспитание в Англии, он стал бы, может быть, таким же сведущим богословом и хорошим математиком, как какой-нибудь англичанин. Разница между ним и более образованным англичанином состоит только в том, что развитие его способностей ограничивали нравы, обычаи и понятия его страны, и никогда оно не бывало направлено на иные или более глубокие исследования. И если властитель Виргинии не имел идеи бога, то только потому, что не думал о том, что могло бы его привести к ней.

13. У разных людей идеи бога различны. Я согласен, что если бы в человеческой душе нашли запечатленными какие-нибудь идеи, то мы имели бы основание ожидать, что это будет понятие о творце, как знак, установленный богом на собственном произведении, чтобы напомнить человеку о его зависимости и долге. Здесь

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org проявились бы первые признаки человеческого знания. Но как поздно можно обнаружить у детей это понятие! И когда мы его находим у них, насколько оно более походит на взгляд и понятие учителя, чем представляет истинного бога! Кто обратит внимание на путь, которым детский ум приходит к знанию, найдет, что предметы, с которыми дети знакомятся прежде и ближе всего, производят первые впечатления на их разум, и не найдет ни малейших следов других впечатлений; Легко заметить, как детское мышление расширяется исключительно по мере ознакомления с большим количеством разных познаваемых чувствами вещей, как дети удерживают в своей памяти их идеи и приобретают способность соединять и расширять их и различными путями сочетать их вместе. Я покажу потом, как они таким путем приходят к составлению в своей душе идей, которые люди имеют о божестве 39.

14. Можно ли думать, что человеческие идеи о боге -

черты и знаки его самого, запечатленные в душе людей его собственным перстом, когда мы видим, что в одной и той же стране, под одним и тем же именем люди имеют совершенно различные, более того, часто противоположные и несогласные друг с другом идеи и представления о нем? Согласие в имени, или звуке, едва ли доказывает врожденность понятия о боге.

15. Какое истинное или допустимое понятие о божестве могли иметь те, кто признавал и почитал сотни богов? Всякое божество, признанное сверх одного, было бесспорным свидетельством того, что они не знали бога, и доказательством того, что они имели неверное понятие о боге, из которого исключили единство, бесконечность и вечность. Если мы прибавим к этому их грубые представления [о наличии] телесности, выраженные в изображениях и идолах (representations) божеств, любовные похождения, браки, совокупления, похоть, распри и другие низменные свойства [и дела], приписывавшиеся ими своим божествам, у нас будет мало основания думать, что языческий мир, т. е. большая часть человечества, имел те идеи о боге в своей душе, которые создал сам бог, заботясь о том, чтобы люди не ошибались относительно него. Да если эта столь усердно выставляемая всеобщность согласия и доказывает врожденность какого-нибудь запечатления, то она подтверждает только следующее: бог запечатлел в душе всех говорящих на одном языке людей свое имя, но не свою идею, ибо люди, согласные относительно имени, имели в то же время совершенно различные представления об обозначаемой им вещи. Если скажут, что большое количество различных почитаемых язычниками божеств было образным выражением различных атрибутов непостижимого существа или различных сторон его провидения, я отвечу, что не буду исследовать, какими могли быть эти божества в самом начале; но, мне кажется, никто не станет считать, что так думал о своих [богах сам] простой народ. Кто обратится к <Путешествию епископа Беритского> 40, гл. 13 (не говоря уже о других свидетельствах), увидит, что сиамское богословие открыто признает множественность богов, или, как более верно замечает аббат Шуази в своих <Записках о путешествии по Сиаму> 41 (с. 107-177), состоит, собственно говоря, в отрицании всякого бога вообще.

16 42. Если скажут, что мудрецы всех народов пришли к верным представлениям о единстве и бесконечности божества, я соглашусь с этим. Но,

во-первых, это исключает всеобщность согласия в чем-нибудь, кроме имени; так как мудрецов очень мало - один, вероятно, приходится на тысячу, то эта всеобщность очень ограничена; во-вторых, это обстоятельство ясно показывает, на мой взгляд, что самые верные и лучшие понятия о боге не запечатлены, но приобретаются размышлением и обдумыванием и надлежащим применением своих способностей. В мире люди мудрые и вдумчивые, надлежащим образом и тщательно используя свое мышление и разум (reason), достигают верных понятий об этом и других предметах, между тем как ленивые и невдумчивые, составляющие значительное большинство, заимствуют свои понятия наудачу, от обычного предания и представлений простого народа, не ломая над ними своей головы. И если считать понятие о боге врожденным вследствие того, что оно есть у всех мудрых людей, то и добродетель также придется считать врожденной, ибо мудрецы всегда обладают ею.

17. Так было, очевидно, во всем язычестве. Но даже среди иудеев, христиан и магометан, признававших только одного бога, данная доктрина - а эти народы заботятся о том, чтобы учить людей верным понятиям о боге, - не возобладала до такой степени, чтобы заставить людей иметь одинаковые и верные идеи о нем. Ведь как много найдется, если поискать, даже среди нас, людей, представляющих себе бога сидящим на небе в образе человека и имеющих много других нелепых и

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org неуместных представлений о нем! Среди христиан, точно так же как среди турок, были целые секты, считавшие и уверявшие [других], что божество телесно и имеет человеческий вид. И хотя немногие среди нас считают себя антропоморфистами (с некоторыми я, впрочем, встречался), но я уверен, что кто займется этим, найдет много их среди невежественных и необразованных христиан. Поговорите с сельскими жителями, хоть любого возраста или с юными людьми любого общественного положения, и вы увидите, что хотя имя бога часто бывает у них на устах, но связываемые с этим именем понятия так странны, низки и жалки, что трудно представить себе, чтобы они были сообщены разумным человеком, а еще труднее – чтобы это были черты, указанные перстом самого бога. Не вижу я также, почему более порочит доброту божию то, что он дал нам душу, но не снабдил ее идеей о себе, чем то, что он послал нас в свет не одетыми и что вместе с нами не

никакое искусство или знание. Ибо мы наделены способностью постигать эти идеи и если не имеем их, то не из-за недостатка щедрости бога, а из-за нехватки нашего усердия и соображения. Бытие бога столь же достоверно, как то, что противоположные углы, образованные пересечением двух прямых, равны. Ни одно разумное существо, искренне занимавшееся исследованием истинности этих положений, не могло не согласиться с ними, хотя нет сомнения, что многие люди, не направлявшие на них свою мысль, не знают ни того ни другого. Если кто сочтет возможным назвать это всеобщим согласием (что было бы крайним случаем [возможного] употребления этого оборота), я без труда соглашусь с этим; но только такое всеобщее согласие доказывает так же мало врожденность идеи бога, как врожденность идеи о противоположных углах.

18. Если идея бога неврожденна, никакая другая не может считаться врожденной. Из сказанного, надеюсь, очевидно, что, хотя познание бога – наиболее естественное открытие человеческого мышления, идея о нем тем не менее не является врожденной. Поэтому я думаю, что едва ли можно найти какую-нибудь другую идею, которая могла бы претендовать на врожденность. Ведь если бы бог вложил в человеческий разум какой-нибудь отпечаток, какой-нибудь знак, всего естественнее ожидать, что это была бы ясная и единообразная идея о нем самом, чтобы наши слабые способности были в состоянии воспринять такое непостижимое и бесконечное существо. Но так как наш ум с самого начала не имеет этой наиболее важной для нас идеи, то это сильный довод против всех других врожденных знаков. Я должен сознаться, что, насколько я могу наблюдать, я сам не нахожу их, и был бы очень рад, если бы мне их указали другие.

19. Идея субстанции неврожденна. Я признаюсь, что есть другая идея, которую было бы полезно иметь всему человечеству и о которой все говорят, как если бы имели ее; это идея субстанции, которой мы не имеем и не можем иметь ни через ощущение, ни через рефлексию 43. Если бы природа позаботилась о том, чтобы снабжать нас идеями, мы могли бы ожидать, что это будут идеи, которых мы не можем приобрести своими собственными способностями. На деле мы замечаем обратное. Не получая идеи субстанции теми путями, какими проникают в нашу душу другие идеи, мы вовсе не имеем такой ясной идеи и поэтому обозначаем словом <субстанция> не что иное, как неопределенное предположение неизвестно чего (т. е. чего-то

такого, относительно чего мы не имеем никакой отдельной, определенной, положительной идеи), что мы принимаем за субстрат, или носитель известных нам идей.

20. Никакие положения не могут быть врожденны, потому что никакие идеи неврожденны. Что касается всех наших разговоров о врожденных принципах, как умозрительных, так и практических, то думать, что некоторые положения врожденны, когда составляющие их идеи никоим образом не могут считаться такими, все равно что говорить, будто у кого-нибудь есть в кармане 100 фунтов стерлингов, и тем не менее утверждать, что у него нет ни одного пенни, шиллинга, кроны или какой-нибудь другой монеты, из которых должна быть составлена вся сумма. Всеобщее признание положений и согласие с ними вовсе не доказывают врожденности выраженных в них идей. Ибо во многих случаях согласие со словами, выражающими соответствие или несоответствие идей, последует необходимо, каким бы путем ни пришли сами идеи. Всякий имеющий верную идею о боге и богопочитании согласится с положением <Бог должен быть почитаем>, если оно выражено на понятном ему языке; а всякий разумный человек, не думавший об этом положении сегодня, может охотно согласиться с ним завтра. И все-таки можно с полным правом предположить, что сегодня миллионы людей не имеют одной или обеих этих идей. Ибо если мы допустим,

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org
что дикари и самый простой народ имеют идеи бога и богопочитания (беседа с ними не заставит легко поверить этому), то, я думаю, можно считать, что лишь немногие дети имеют эти идеи, но они должны приобрести их рано или поздно, и тогда они также начнут соглашаться с этими идеями и с того времени вряд ли станут подвергать их сомнению. Но подобное согласие с тем, что только что сообщено, служит доказательством врожденности идей так же мало, как доказательством того, что слепорожденный (родившийся с бельмом, которое потом снимут) имел врожденные идеи солнца, или света, или шафрана, или желтизны, служит то обстоятельство, что если он прозреет, то, несомненно, согласится с положением <солнце светло> или с положением <шафран желт>. И если поэтому такое согласие с тем, что только что сообщено, не может доказать врожденности идей, то тем более оно не доказывает врожденности положений, составленных из этих идей. Если же у кого-нибудь есть врожденные идеи, я был бы рад узнать от него, каковы они и сколько их.

21. В памяти нет врожденных идей. К этому

прибавлю, что, если есть врожденные идеи, идеи в душе, о которых она на самом деле не думает, они должны быть запечатлены в памяти и оттуда извлечены на свет при помощи воспоминания, т. е. при воспоминании они должны признаваться как прежние восприятия души, разве только воспоминание может быть без воспоминания. Ибо вспоминать – значит воспринимать памятью или сознанием то, что было известно или воспринято раньше; без этого всякая идея, проникающая в душу, является новой, а не такой, которая вспоминается. Это сознание того, что идея находилась в душе раньше, и отличает воспоминание от всяких других способов мышления. Идея, которая никогда не была воспринята душой, никогда не была в душе. Всякая находящаяся в душе идея есть или наличное восприятие, или, будучи раньше наличным восприятием, находится в душе таким образом, что при помощи памяти может вновь стать наличным восприятием. Когда наличное восприятие идеи получается без содействия памяти, она представляется разуму совершенно новой и до того времени неизвестной. Когда память делает идею предметом наличного восприятия, появляется сознание, что она была раньше в душе и не совершенно чужда ей. Так ли это, предоставляю решить наблюдательности каждого. И потому желаю, чтобы привели в пример идею (до запечатления ее теми способами, о которых буду говорить после⁴⁴), объявленную врожденной, которую бы кто-нибудь мог оживить и восстановить в своей памяти как идею, ему известную прежде. Без этого осознания (consciousness) прежнего восприятия нет воспоминания. Всякая идея, проникающая в душу без этого осознания, не является идеей, которая вспоминается, она приходит не из памяти и не может считаться находившейся в душе до этого. Ибо то, что не находится ни в поле зрения в данный момент, ни в памяти, никоим образом не находится в душе и все равно что никогда не находилось там. Представим себе ребенка, который знает и различает цвета, пока пользуется зрением; но потом бельмо закрывает окна, и он проводит лет сорок или пятьдесят в полной темноте и за это время совершенно теряет всякую память об идеях цветов, которые он некогда имел. Так было с одним знакомым мне слепым, который лишился зрения от оспы, когда был еще ребенком, и имел столько же понятия о цветах, сколько слепорожденный. Я спрашиваю, можно ли сказать, что он имел тогда в уме своем больше идей цветов, чем слепорожденный? Мне кажется, никто не скажет, что тот и другой во-

обще имели в своей душе какую-нибудь идею цветов. Но вот его бельмо снято, и тогда он получает (а не вспоминает) идеи цветов de novo ⁴⁵, сообщая их своей душе восстановленным зрением, однако без всякого сознания прежнего знакомства [с ними]. Он может теперь восстанавливать их и вызывать в душе в темноте. В этом случае можно сказать про все эти идеи цветов, что они находятся в уме: находясь в памяти, они могут быть воскрешены, когда их нет в поле зрения, с сознанием, что их знали раньше. Отсюда я заключаю, что всякая идея, которой нет в поле зрения в данный момент, находится в уме, лишь поскольку находится в памяти. Если она не находится в памяти, она не находится и в уме. А если она находится в памяти, она не может через память стать явной без восприятия того, что она приходит из памяти, т. е. без восприятия того, что она была известна раньше и теперь вновь вспоминается. Если, стало быть, есть врожденные идеи, то они должны быть в памяти, или их нет в уме. И если они находятся в памяти, они могут быть восстановлены без всякого внешнего впечатления; если они появляются в уме, они вспоминаются, т. е. приносят с собой восприятие того, что они не совсем новы для нее. В этом постоянная и отчетливая разница между тем, что есть, и тем, чего нет в памяти или уме: то, что не находится в памяти, при своем появлении там кажется совершенно новым и ранее неизвестным, а то, что находится в памяти или уме, при выявлении памятью не кажется новым, но ум находит это в себе и знает, что оно

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org было в нем раньше. Поэтому можно проверить, были ли в уме какие-нибудь врожденные идеи до впечатлений, [полученных] пф ощущений или рефлексии. Желал бы я видеть человека, который бы при начале пользования разумом или в какое-нибудь другое время вспоминал какую-нибудь из таких [идей] и для которого бы она никогда не была новой после его рождения. Если кто скажет, что в уме есть идеи, которых нет в памяти, я прошу его дать объяснение и сделать сказанное им понятным.

22. Принципы неврожденны, потому что мало полезны или мало достоверны. Кроме сказанного выше есть еще одно основание, почему я сомневаюсь во врожденности как указанных, так и всяких иных принципов. Я вполне убежден, что бесконечно мудрый бог создал все вещи совершенно мудро, но не могу понять, почему нужно думать, что он запечатлел в человеческой душе некоторые всеобщие принципы, из которых умозрительные, вы-

даваемые за врожденные, мало полезны, а практические не самоочевидны и ни те ни другие нельзя отличить от других истин, не признаваемых за врожденные. К чему божьим перстом должны быть запечатлены в душе черты, которые не яснее проникших туда впоследствии и которые нельзя отличить от них? Если кто думает, что есть такие врожденные идеи и положения, которые своей ясностью и полезностью отличаются от всего, что есть в душе привходящего и приобретенного, ему не трудно будет указать нам, каковы они, и тогда каждый верно рассудит, врожденны они или нет; ибо если есть совершенно отличные от всех прочих восприятий и знаний врожденные идеи и впечатления, то каждый увидит это по себе. Об очевидности этих якобы врожденных максим я уже говорил; об их полезности я буду иметь случаи говорить потом .

23. Различие в открытиях людей зависит от различия в приложении способностей. Заключаю: некоторые идеи быстро рождаются в голове у всякого; некоторые истины получаются из идей сейчас же, как ум преобразует их в утверждения (propositions). Для открытия и признания иных истин требуются длинный ряд упорядоченных идей, надлежащее сравнение их и тщательно сделанные выводы. Некоторые истины первого рода благодаря их общему и легкому признанию ошибочно принимались за врожденные. На самом же деле идеи и понятия не рождаются вместе с нами, так же как искусства и науки, хотя, правда, одни идеи усваиваются нами с большей легкостью, чем другие, и потому принимаются большим кругом людей. Но и это зависит от степени применения органов нашего тела и наших умственных способностей, ибо бог наделил людей способностями и средствами, чтобы они соответственно их применению открывали, принимали и удерживали истины. Большая разница в понятиях людей зависит от разницы в применении их способностей. Одни (а таких большинство), принимая вещи на веру, злоупотребляют своей способностью соглашаться и с покорной ленью отдают свой ум в рабство приказаниям и власти других в учениях, которые обязаны были тщательно проверить, а не принимать слепо на веру. Другие, сосредоточивая свои мысли только на немногих предметах, знакомятся с ними в достаточной степени и достигают глубокого знания их, но не сведущи ни в чем другом, никогда не давая своим мыслям воли в поисках других познаний. Так, положение, что три угла треугольника равны двум прямым углам, есть настолько достоверная истина, какая только может быть, и, по-моему, более очевидная, чем многие из положений, считающихся принципами. И все-таки миллионы людей, хотя и сведущих в другом, вовсе не знают ее, потому что никогда их не занимала мысль о таких углах. Твердо же знающий это положение может совсем не знать истинности других таких же ясных и очевидных положений той же самой математики, потому что в своем исследовании математических истин здесь он прервал ход своих мыслей и дальше не пошел. То же самое может случиться с нашим понятием о бытии божием. Хотя нет для человеческого понимания истины более очевидной, чем бытие божественного существа, но кто удовлетворяется окружающими его на этом свете вещами, поскольку они служат его удовольствиям и страстям, и не будет вникать сколь-нибудь глубже в их причины, цели и удивительное устройство, размышляя о них с усердием и вниманием, тот может прожить долго без всякого понятия о таком существе. Если кто в разговоре сообщит ему это понятие, он, быть может, поверит этому. Но если он никогда не исследует его, его знание об этом будет нисколько не совершеннее знания того, кто, услышав, что три угла треугольника равны двум прямым, примет это на веру без исследования доказательства и будет соглашаться с этим положением как с вероятным мнением, но не будет ничего знать о его истинности, хотя его способность при надлежащем применении могут сделать положение ясным и очевидным. Но [все] это [говорится] только между прочим, чтобы показать, как много наше знание зависит от правильного применения наших способностей,

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org
дарованных нам природой, и как мало – от врожденных принципов, которые, как напрасно считают, существуют у всех людей и направляют их и которые должны были бы быть известны всем людям, если бы существовали, иначе они были бы бесполезны. А так как ни один человек не знает и не может отличить их от других приобретенных истин, то мы, можем с полным правом заключить, что их нет.
24. Люди должны сами мыслить и познавать. Не знаю, как станут осуждать сомнение во врожденности принципов люди, которые будут склонны называть его <разрушением старых основ познания и достоверности>; я лично по крайней мере убежден, что избранный мною путь, соответствуя истине, упрочивает эти основы. В чем я уверен, так это в том, что в последующем изложении я не ставил себе задачей отрицать чей-либо авторитет или следовать таковому авторитету. Истина была моей единственной целью, и, куда бы она ни указывала путь, мои мысли следовали беспристрастно, не заботясь о том, видны ли на этом пути следы кого-нибудь другого. Это не значит, что я не чувствовал должного уважения ко взглядам других; но ведь в конце концов надо воздавать наибольшее почтение истине. И надеюсь, не покажется высокомерием утверждение, что мы, вероятно, сделали бы больше успехов в открытии разумного и умозрительного знания, если бы искали его у источника, в рассмотрении самих вещей, и для нахождения его пользовались больше своими собственными, чем чужими, мыслями. Ибо, я полагаю, мы так же обоснованно можем надеяться познавать чужим разумом, как видеть чужими глазами. Лишь в той мере, в какой мы сами рассматриваем и постигаем истину и причины, мы обладаем и действительным и истинным знанием. Если в нашем мозгу носятся чужие взгляды, это не делает нас ни на йоту более мудрыми, хотя бы они и были верны. Что у других было знанием, то в нас только поддерживаемое мнение, поскольку мы соглашаемся только с почтенными именами, а не прилагаем, как делали другие, своего разума для понимания давших им славу истин. Аристотель был, конечно, сведущий муж; но никто не считал бы его таким, если бы он слепо принимал и самоуверенно повторял чужие мнения. И если он стал философом не от принятия чужих принципов без исследования, то, полагаю, едва ли это сделает таковым и кого-нибудь другого. В науке каждый имеет столько, сколько он действительно знает и понимает, а то, чему он только верит, что принимает на слово, – это только обрывки, которые, как бы ни были они хороши, когда входят в состав целого, не намного увеличивают запас того, кто накапливает их. Такое заимствованное богатство подобно волшебной монете: хотя бы оно было золотом в руках, из которых получено, в употреблении превращается в сухие листья и пыль.

25. Откуда мнение о врожденных принципах. То, что люди нашли несколько общих положений, в которых могли не сомневаться сразу, как только их поняли, это, на мой взгляд, прямо и легко вело к заключению, что они врожденны. Это, будучи однажды принято, избавило ленивого от мук исканий и остановило сомневающегося в его исследованиях и коснулось всего, что было однажды названо врожденным. А для тех, кто претендовал на роль ученых и учителей, было немалой выгодой установить в качестве принципа принципов то положение, что нельзя подвергать сомнению принципы. Ибо, установив раз принцип, что есть врожденные принципы, они внушили своим последователям необходимость принять некоторые учения как такие принципы, чтобы отвлечь людей от пользования собственным разумом и способности суждения, заставив принимать все на веру и слово, без дальнейшего исследования. При такой слепой доверчивости легче было ими управлять и сделать их полезными для тех, кто обладал умением и имел задачу наставлять их и руководить ими. Обладать авторитетом диктатора принципов и наставника неоспоримых истин и понуждать других на веру принимать за врожденный принцип все, что может служить целям учителя, – это немалая власть человека над человеком. Между тем, если бы люди изучили пути, которыми они пришли к знанию многих всеобщих истин, они нашли бы, что эти истины появились в уме людей в результате должного рассмотрения существа самих вещей и что они были открыты путем надлежащего применения способностей, дарованных природой с целью воспринимать эти истины и судить о них.
г– 26. Заключение. Показать, как разум здесь действует, – цель последующего изложения. Я приступаю к нему, сказав предварительно, что для расчистки дороги к тем основам, которые мне представляются единственно истинными и на которых следует установить доступные нам понятия о нашем собственном познании, мне необходимо было объяснить соображения, заставившие меня сомневаться во врожденных принципах. И так как некоторые из выставленных против них доводов берут свое начало от общепринятых взглядов, я вынужден был принять кое-что за само собой разумеющееся, чего трудно избежать всякому желающему показать ложность или неверность какого-нибудь положения. В рассуждениях по спорным вопросам получается точно так же, как при штурме городов: если тверда земля, на

локк Джон Опыт о человеческом разумении. Книга 1 filosoff.org
которой воздвигнуты батареи, то уже не спрашивают о том, у кого она взята и кому принадлежит, лишь бы только она была подходящим возвышением для данной цели. Но в последующей части своего трактата, ставя себе целью построить, насколько мне будут содействовать мой опыт и наблюдения, единообразное и прочное сооружение, я, надеюсь, воздвигну его на такой основе, что мне не нужно будет поддерживать его подпорками и балками, опирающимися на взятый в долг и выпрошенный фундамент; а если из моей попытки выйдет воздушный замок, я постараюсь по крайней мере, чтобы он был вполне цельным и связным. Я заранее- прошу читателя не ждать очевидных, неоспоримых доказательств, коль скоро мне не дана привилегия, которую нередко присваивают себе другие, объявлять свои принципы бесспорными; и все же, не сомневаюсь, и я смогу доказывать. В защиту моих исходных принципов скажу лишь, что по вопросу об их истинности или ложности я взываю только к непредубежденному опыту и наблюдению других людей. Этого достаточно для человека, который хочет только откровенно и свободно высказать свои собственные предположения о предмете, находящемся до некоторой степени во мраке, [и не ставит себе] никакой другой цели, кроме беспристрастного исследования истины.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!